Ученик поневоле

Автор:
Александр Курзанцев

Ученик поневоле

Александр Олегович Курзанцев

Как я учился в магической школе #1Попаданец (АСТ)

Тебя выбрали учеником магической академии. Чем не повод для радости? Но что если из-за банальной ошибки к тебе пришли не в семнадцать лет, а в тридцать четыре? И тебя снова сажают за парту к семнадцатилетним. И если бы только это, но вокруг одни ведьмы, а собственная завкафедры так и жаждет провести над тобой эксперимент в «интимной» атмосфере общажного чердака. А еще комиссии, проверки, допросы, наемные убийцы и ведро, ставшее в твоих руках молотом Тора.

Александр Курзанцев

Ученик поневоле

© Александр Курзанцев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Серия «Попаданец»

Выпуск 102

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Пролог

Как меня она туда

Всё началось с того, что меня поселили на чердак…

Нет. Всё началось с того, что я оказался в совершенно чужом мире…

Блин, нет. Началось всё, наверное, с того, что передо мной появилась удивительной красоты и столь же удивительной холодности девушка. Да. Пожалуй, всё-таки да. Началось всё с её появления.

Она возникла прямо по центру комнаты, и воздушная волна буквально смела всё вокруг, переворачивая вверх дном мебель и то, что не было прибито к полу, включая меня самого.

С проклятиями выбравшись из-под кресла, в котором до этого так удобно сидел, активно поигрывая в танчики, я горестно воззрился на треснувший экран монитора и, стянув с головы наушники, мрачно кинул их туда же, в эту куча-малу.

Виновницу сего бедлама, впрочем, данный факт ничуть не покоробил. Видимо, она была выше этого.

– Ширяев Павел Алексеевич, тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения по внутреннему летоисчислению вашего мира, – сухо произнесла дама, не то спросив, не то констатировав факт, не глядя на меня.

Её взгляд прошёлся по комнате где-то поверх моей головы, что было, в общем-то, неудивительно, ибо она вполне спокойно парила в воздухе почти в метре от пола. Что это было – антигравитационные туфли или заклинание левитации, – я не знал, но сам факт подобных возможностей заставлял серьёзно отнестись к

ситуации, и поэтому, немного нервно обтерев жирные после пирожков с капустой ладони о семейные трусы, я максимально тактично ответил:

– Да.

– По достижении семнадцатилетнего возраста вы, как субъект с зарегистрированным магическим даром, направляетесь в магическую академию имени архимага Магнуса Сидорийского для прохождения обязательного обучения.

Тут она, взяв паузу, перевела взгляд на меня.

Я тоже машинально опустил взгляд вслед за ней и почесал слегка выпирающий живот, одновременно постаравшись оттереть пятно от кофе с майки-алкоголички, что обтягивала мои не слишком худые телеса. Пауза затягивалась…

Ну, а что тут скажешь, если с ФИО и годом рождения всё было, что называется, «Ок», а вот с возрастом выходила-таки промашка. Глядя в наполняющиеся возмущением глаза незнакомки, я даже чуть застеснялся того, что мне не семнадцать, хотя в свои тридцать четыре вроде как уже давно забыл, что это такое.

– Что за шутки?! – наконец гневно воскликнула она. – Кто вы?! И где мальчик?!

– Ну, как бы… – я потеребил труселя, не зная, куда деть руки. Пряча глаза, тихо ответил: – Я – мальчик…

Тут она что-то прошептала, посверкивая на меня ясными голубыми глазищами, щёлкнула пальцами, и по мне словно пробежала волна щекотки, заставив дёрнуться и поёжиться.

– И правда, – тон незнакомки стал задумчивым, – мальчик…

Порывшись, она из небольшой сумочки на боку достала серьёзный такой, увесистый и явно не умещающийся в ней свиток. Развернула, вчитываясь в не видимый мне текст, а затем с незнакомым мне ругательством – о том, что это

было именно оно, говорила та экспрессия, с которой оно было произнесено – свернула и буквально вбила свиток обратно в сумочку.

– Удвоенный временной поток! – гнев девушку даже как-то оживил, сделав более… человечной, что ли, и я невольно залюбовался, слушая, как она злобно шипит: – Нет, эти клуши в службе регистрации на сей раз точно получат по полной! Это же надо!

Незнакомка вновь задумчиво посмотрела на меня, затем уже оценивающим взглядом прошлась сверху донизу, да так, что я остро пожалел, что на мне нет хотя бы штанов.

– Так тебе тридцать четыре? – прищурившись, спросила она.

– Да, – только и смог кивнуть я.

– А выглядишь на все пятьдесят, – припечатала незнакомка.

Не знаю, чего она этим добивалась, но подобного издевательства я уже не стерпел и буркнул первое, что пришло в голову:

– Зато ты вот выглядишь на двадцать пять, а самой небось уже лет двести!

Самое смешное, что я, похоже, угадал – вон как она ртом воздух хватает. Только вот что-то в её глазах неуловимо изменилось, и я рефлекторно прикрыл ладошками промежность, как в футболе перед пенальти. Но пронесло.

Глубоко вдохнув и прикрыв глаза, девушка секунду повисела в тишине, а затем вновь ледяным и бесстрастным голосом произнесла:

– Обучение обязательно, и может быть отменено только по причине гибели кандидата…

Суровый прищур коснулся меня, и я быстро-быстро замотал головой, всеми силами показывая, что такой вариант меня не устраивает.

– В остальном, ничто не может служить препятствием для направления в академию, а значит… – тут от дамы волнами начала расходиться непонятная сила, – мы отправляемся немедленно!

Её… всосало в саму себя, как в чёрную дыру, а следом за ней и меня. Последней затянуло мою вытянутую в отчаянной попытке ухватить вместе с собой штаны руку. Но всё было тщетно.

Вот так я и вступил в новый для себя мир: босиком, в заляпанных жирными пятнами семейных трусах и растянутой майке-алкоголичке с пятнами кофе.

Глава 1

Стоя на холодном мраморном полу, я старался держать независимый вид и только временами, когда становилось совсем невтерпёж, тёр одну волосатую ногу об другую. Чёртова стерва и не подумала меня приодеть, с ходу потащив к ректору.

Я, признаться, красоты местной магической академии и не разглядел толком. Вывалился на брусчатку, шлёпнувшись на пузо, перед воротами вслед за так и не представившейся гражданкой магиней, или как у них тут таких называют, и тут же, подскочив, уныло порысил вслед за ней же, даже не подумавшей останавливаться.

Да и особого праздника по случаю нового набора учащихся, как и толп поступающих семнадцатилеток, мне на глаза не попалось. Но вот смешки и откровенно иронические взгляды я на себе по пути к большой башне, что маячила конечным пунктом нашего вояжа, таки ловил. Студентов на территории было немало, и обидчивая дрянь явно тащила меня через самые большие их скопления. Вот скажите, разве нельзя было, например, через чёрный ход провести или наколдовать мне одёжку какую?

Башня оказалась ничем иным как резиденцией ректора академии. Магистр, кавалер чего-то там, член чего-то тут – я не запомнил – и прочая, и прочая. Это мне красавица нашептала в ухо перед входом в его рабочий кабинет. Ах да,

звали многоуважаемого дядечку Зора Кхан.

Впрочем, с дядечкой я ошибся. Ректором академии оказался этакий дедушка в стиле «божий одуванчик». С добрыми-предобрыми глазами, типичный, ну вот вообще типичнейший ректор магической академии, прям сотня Дамблдоров из десяти. Был он канонично патлат, бородат, и седина обильно серебрила его густую шевелюру, добавляя степенности и харизмы.

Незаметно ткнув даму локтём в бок, прошептал:

– Если он так выглядит, ему, небось, уже тыщ десять лет стукнуло?

Но та только шикнула на меня, терпеливо ожидая, когда ректор отвлечётся от беседы с ещё одним неизвестным, что развалился в кресле сбоку. Мужчина был на вид чуть старше меня, весь в чёрном, с холёным и чуточку высокомерным взглядом, мимоходом мазнувшим по мне. Когда он поднялся, вставая во весь свой немаленький рост, поправляя кружевные манжеты сидящего на нём как влитого камзола, я оценил и разворот плеч, и широкую грудь с впалым животом, с тоской подумав, что мне с моей ленью о таком остаётся только мечтать.

– Мастер Иквус, так когда от вас можно ждать? – последнюю фразу ректор произнёс чуть громче в спину уходящего франта, на что тот дёрнул неопределённо плечом, словно прогоняя назойливую муху, и ответил:

– Как только, так сразу. Я же тысячу раз говорил, не стоит меня торопить, а то ведь я могу и забыть… про что-нибудь.

Последнее прозвучало как неприкрытая угроза, но Кхан лишь помахал рукой, признавая своё поражение.

Поравнявшись с нами, этот самый мастер Иквус вдруг остановился и, сморщившись, спросил:

– Старший преподаватель Марна… ну и кого вы притащили в этот раз? Очередной так любимый вами коллекционный экземпляр из доисторических времен? Настолько уникальный, что вы его потащили к ректору не то что не продезинфицировав, но элементарно даже не умыв и не сменив исподнее?

Он брезгливо провёл пальцем по моей майке и со вздохом продемонстрировал девушке.

Но та вместо того, чтобы поставить хлыща на место, вдруг торопливо и тихонько защебетала:

– Мастер Иквус, это не экземпляр, это новый студент академии. Просто с ним вышла некоторая сложность.

– Тем хуже, – не меняя тона, заметил тот. – Любите же вы шарить по каким-то богом забытым мирам. В первый раз вижу студента, что в семнадцать выглядит на пятьдесят.

Я было дёрнулся ответить, уязвлённый, но эта старший преподаватель сделала такие глаза, что я проглотил рвущиеся с языка оскорбления и отвёл взгляд, сделав вид, что разглядываю книжные полки. Единственно, когда непонятный чел покинул кабинет, шёпотом спросил:

– А это вообще кто был?

– У-у-у… – протянула Марна. Сказала с нотками уважения: – Это наш начальник административно-хозяйственной службы!

– Завхоз, что ли? – не поверил я. – Да это же «принеси-подай-пошёл-нафиг-не-мешай»!

– Молчи! – буквально встала на дыбы та. – Не дай святой Магнус он услышит!

Понимая, что ни черта я не понимаю, только покачал головой, не став больше спорить, и, повинуясь приглашающему жесту, подошёл к столу ректора, садясь на предложенный стул. Что характерно, кресло завхоза мне не предложили, хотя даже на вид оно было значительно удобней.

– А ловко вы подшутили над нашим ахошником, Марна, – ректор подмигнул приоткрывшей рот от удивления даме, – со студентом. Не ожидал от вас… Итак, – Кхан огладил длинную бороду и, хитро прищурившись, посмотрел на меня, – и кто же это у нас? Новый преподаватель трудовой магии? Ждём, ждём.

Погодите… – не дав нам и слова вставить, он по-особому крутанул ладонью и в появившуюся перед ним воздушную воронку быстро проговорил: – Сергей Юрьевич, зайдите-ка ко мне.

– Магистр… – вклинилась, чуть приподнявшись, девушка, но не успела договорить, как дверь кабинета распахнулась и в проём ввалился новый участник нашей беседы.

Небритый, со слегка опухшим лицом, он был в замызганном халате, из-под которого выглядывала майка точь-в-точь как моя, и растянутых трениках с пузырями на коленях. Венчал композицию берет, криво нахлобученный на голову.

При виде меня глаза его наполнились слезами, и срывающимся голосом, упав на колени и воздев руки к потолку, он буквально проорал:

– Ну наконец-то! Наконец-то закончится этот ад!

– Сергей Юрьевич, держите себя в руках, – поправляя очки-четвертинки (я, кстати, впервые такие видел), произнёс Кхан. – Вот передадите дела, и тогда будете вольны как ветер. Кстати, – ректор перевёл взгляд на меня, – будьте знакомы, наш преподаватель трудовой магии Сергей Юрьевич Глушаков. А вы?

– Эм… Ширяев… Павел Алексеевич…

– Земляк?! – Глушаков в едином порыве, как на крыльях, пролетел над полом и, упав мне на грудь, разрыдался.

– Магистр! – пискнула, глядя огромными глазами на сюрреалистичную картину, Марна. – Вы всё не так поняли! Это не новый преподаватель, это действительно студент, просто в отделе регистрации не учли, что в его мире удвоенный временной поток, и ему сейчас не семнадцать, а тридцать четыре.

Выпалив всё это скороговоркой, она виновато покосилась на трудовика, а тот, как громом поражённый, отстранился, с неверием глядя то на меня, то на ректора.

– Так это не шутка была? – тон Кхана потерял добрую половину теплоты. – И почему же ты сразу не сказала? Видишь вот, зря обнадёжил Сергея Юрьевича.

– Простите, – старший преподаватель поникла, стараясь не встречаться с трудовиком взглядом. А Глушаков, медленно поднявшись на ноги, зачем-то поправил на мне майку и, утерев кулаком набежавшие слёзы, побрёл к двери, шаркая тапочками.

Уже на выходе, протяжно и страдальчески вздохнув, он грустно спросил:

– Ты хоть водку-то пьёшь?

– Пью, – покаянно вздохнув в ответ, признался я.

– Ну хоть что-то, – всё так же печально ответил трудовик и тихо прикрыл за собой дверь.

– Нехорошо получилось, – после недолгого молчания заметил ректор. Снова, в задумчивости, огладил бороду. Сделав пасс рукой, буквально выхватил из пустоты увеличившийся до гигантских размеров книжный том и, раскрыв его, принялся быстро листать.

– Устав академии, – шёпотом прояснила ситуацию Марна.

Хмыкнув, я окинул взглядом талмуд размером в развороте с А2, а то и больше. Однако на все случаи жизни книжка, не меньше. А ректор, отлистав страниц сто, убрал устав обратно куда-то и с сожалением в голосе заявил:

– Нет, исключений нет. Надо учить. И прецеденты, насколько помню, были, правда, те случаи не настолько… – он покачал головой, – тяжёлые, я бы сказал.

– Да что вы по внешнему виду все, – опять обиделся я. – Мне побриться, помыться, одеться нормально, а за полгода физо я и жирок лишний сгоню, не узнаете.

– Да я не об этом, – отмахнулся Кхан. Поднявшись из скрипнувшего кресла, подошёл к стеллажам с книгами и, проведя пальцем по корешкам, вытащил

одну из них.

– Это исследования Рогнеды Мудрой? – вдруг поинтересовалась Марна, чуть подавшись вперёд. – Я вам и без них могу все обсказать.

– Всё забываю, что ты у нас увлекаешься антропологией, – Кхан сел обратно за стол, тепло улыбнувшись девушке.

– Да, магистр. Согласно всем проведённым исследованиям, семнадцать лет для человеческого вида – это оптимальный возраст для начала развития магического дара. К этому времени он приобретает устойчивость, и его становится почти невозможно выжечь неосторожными манипуляциями с магией. Однако в то же время и сознание, и энергетические потоки в теле человека ещё гибки и подвижны, а потому не препятствуют направленному развитию манапотоков и энергоканалов. Но чем старше человек, чем позднее начато обучение, тем сложнее ему воспринимать магию и раскачивать энергоканалы. По моему мнению, тридцать лет – это предел, после которого шансы на обучение даже простейшим манипуляциям с даром минимальны, – тут она как-то даже виновато и с лёгкой жалостью посмотрела на меня.

– Но и не учить мы не можем… – заметил Кхан.

– Не можем… – эхом вторила ему старший преподаватель.

– Что ж, – после недолгой паузы произнёс ректор, – поздравляю вас, Павел Алексеевич, с поступлением в академию магии имени Магнуса Сидорийского.

– Спасибо, – я поёрзал на стуле.

– На торжественную церемонию не приглашаю – и вам будет неудобно, и нам, – Кхан чуть развёл руками, извиняясь.

– Да, понимаю.

Семейники в горошек и моя небритая морда явно не вязались с торжеством поступления.

– Но вот предрасположенности ваши и, соответственно, факультет вам определить надо.

Снова из ниоткуда возникла книга. Я так понял, местные маги любят облегчать себе быт, не утруждаясь физическими нагрузками. Интересно, а я так тоже смогу?

– Руку на книгу, пожалуйста.

Положив ладонь как говорили, на шершавую обложку, я прислушался к себе, но ровным счётом ничего не почувствовал – ни холода, ни жара, даже самого завалящего электрического покалывания, только обложка слегка потеплела от прикосновения. Впрочем, необходимый результат был-таки достигнут.

Тихое бормотание, и над книгой зависает пять слабо светящихся разноцветных шариков.

– Это хорошо или плохо, магистр? – со скрытой надеждой в голосе спросил я.

– Пять направлений из двенадцати, – резюмировал Кхан, с некоторым интересом глянув на меня. – Думаю, в семнадцать было бы больше, штук семь-восемь, но и так неплохо, очень неплохо в вашей ситуации. С другой стороны, – продолжил он, – все они бледны. Обычно один-два горят ярче, выявляя предрасположенность, но у вас все пять почти одинаковы, так что можете смело выбирать любую из этих пяти специализаций, особой разницы для академии нет.

– А для меня? – несмело задал я вопрос.

– Для вас… – ректор хмыкнул. – Ну, разве что в плане личных симпатий и антипатий. Впрочем, откуда бы им взяться – вы же не имели дела ни с одним видом магии до этого. Так что…

– Нет, давайте лучше я сам, – пресёк я самоуправство. А что, подсунут какую-нибудь некромантию, а я трупов… не то чтобы боюсь, а так, больше брезгую. Или ботанику ещё, сиречь друидичество, а мне с растениями возиться поперёк горла уже, хватит, двадцать лет на родительском огороде отгорбатился.

– Да пожалуйста, – Кхан широко развел руками, – ваше право.

На ехидно посверкивающем очками лице прекрасно читалось всё то, что ректор думал о самонадеянном студенте-переростке, но я решил подойти к вопросу выбора со всей серьёзностью и, прокашлявшись, попросил:

– Огласите весь список, пожалуйста.

– Все двенадцать?

Я кивнул.

– Ну хорошо, – откинувшись и сцепив ладони на животе, Кхан начал перечислять: – Во-первых, четыре направления факультета стихийной магии: огонь, вода, воздух и земля, классические направления боевой магии – мощные школы, выпускающие магов-боевиков. За ними по порядку, но не по значению, идёт четвёрка направлений факультета белой магии: друидизм, целительство, магия разума и магия иллюзий. Ну, а за ними четвёрка темномагических специализаций факультета чёрной магии: некромантия, демонология, магия крови и проклятья.

– А трудовая магия? – переваривая информацию, спросил я.

– Это так называемая общая магия, для неё подходит любой дар, разве что поначалу приходится учитывать специфику манипуляций с ним. Допустим, стихийник, переборщив с вливанием силы в ту же обработку деревянных деталей, попросту может их спалить, заморозить, разорвать на щепки, раздавить в конце концов. У друида эта деревяшка зацветёт, а у адепта школы проклятий просто сгниёт в руках, рассыпавшись трухой.

– То-то Сергей Юрьевич так переживал, – глубокомысленно поиграл я бровями, вспоминая рвущиеся из самого сердца эмоции местного трудовика.

– Сложный участок, сложный, – покивал, вторя моим мыслям, ректор. – Ещё и не все студенты понимают, зачем им это.

– И зачем же? – тут же поинтересовался я.

– Ну как же? – Кхан улыбнулся, сощурившись так, что вокруг глаз прорезались лучики морщин. – Давно было подмечено, что подобные занятия прекрасно учат молодых людей контролировать свой дар, дозировать силу, прививают терпение, улучшают внимательность и точность, что для будущего мага есть основы основ. Поэтому на первых двух курсах её очень много у всех. Вот только, – тут ректор с сожалением вздохнул, – далеко не все, особенно выходцы из благородных семей, это понимают и принимают.

Понимающе покивав головой, я подумал, что и здесь хватает «золотых» мальчиков и девочек. В любом обществе, даже в том, где все равны, всегда найдется тот, кто «равнее».

– Впрочем, – легонько хлопнул Кхан ладонью по столу, – вернёмся к вам. Из этих двенадцати вам доступно пять направлений. Стихийные школы в данный список не попали, что, в общем-то, было сразу видно по вашему характеру – все стихийники являются людьми вспыльчивыми и задиристыми, хоть и каждый по-разному. А вот чёрная представлена всеми четырьмя направлениями. И, как ни странно, друидизм, – тут он замолчал, с некоторым ожиданием глядя на меня, видимо, ждал моих комментариев по сему поводу, но я только пожал плечами, не зная, что на это ответить.

– Видите ли, – пустился в пространные рассуждения не дождавшийся моего ответа ректор, – как правило, с возрастом направления магического дара, должным образом не используемые, сходят на нет, и остаются лишь те, что тренируются или поддерживаются определённым видом деятельности. Распыляться крайне неразумно, так как только концентрация на одном или двух направлениях магии позволяет наиболее полно раскрыть их потенциал. И то две равномерно развитых школы может себе позволить лишь маг уровня магистра, а три – это уже заявка на архимага. Вот и получается, что за семь лет обучения из множества оттенков магического дара у среднестатистического выпускника остаётся один – тот, чьё направление было выбрано при поступлении. Зато он хорошо развит и позволяет весьма полно использовать заложенный в нём потенциал.

Хмыкнув в бороду, Кхан закончил мысль:

– Так вот, я, если честно, был готов к одному, максимум двум оставшимся у вас слабым намёкам на магический дар, если не вообще к полному их отсутствию, что возможно в условиях вашего абсолютно не магического мира, а тут сразу

пять, причём в таком странном сочетании. Друидизм на фоне полного набора тёмной магии смотрится как откровенная насмешка над теорией магии, пожалуй, более издевательским было бы только присутствие вместо него целительства.

– Ну… – протянул я, машинально почесав шею, а сам подумал: «Вот оно чё, Михалыч. Друидизм явно от ползанья жопой кверху по огороду, к бабке не ходи. Некромантия… Ну, а кто, собственно, в морге санитаром подрабатывал? Проклятья… это вообще у нас, у русских, должно быть расовым навыком, как с девяностых до мастерского уровня не прокачалось – не пойму. Магия крови – так почётного донора РФ за красивые глаза не дают, а демонология… ну так как же без вызова адских сущностей в программировании-то. У индусов, небось, каждый второй кодер может если не Шиву призвать, то Кали – точно».

Так ничего и не ответив, посмотрел сначала на задумчиво подперевшую подбородок ладонью Марну, затем в доброжелательные глаза ректора, и наконец, решившись, резко рубанул ребром ладони в воздухе.

– А давайте проклятья!

Ну, а что ещё? Друидизм сразу нафиг, некромантию тоже – навозился уже с трупами, хватит. Кровь туда же, увольте, сдавал не от хорошей жизни. Демоны меня и в прошлой жизни не интересовали. Так что оставались лишь проклятья.

Вздрогнув, старший преподаватель сначала посмотрела на меня с подозрением, а затем недоумённо. Перевела взгляд на Кхана, но тот лишь коротко кивнул, стрельнув глазами в её сторону, и, дёрнув несильно себя за бороду, подтвердил:

– Хорошо. Так тому и быть.

Глава 2

Как я оказался на чердаке? Ну, мы посовещались, и Кхан решил, что селить меня в комнату к семнадцатилетке будет жестоко, причём по отношению ко мне. Больно подростки в последнее время грубые да резкие, затравят ещё. Вот так я

и оказался на пороге единственного более-менее подходящего для проживания помещения, исключающего контакт с однокурсниками во внеучебное время. Исключительно из заботы о моём морально-психологическом климате, да.

Оставив люк на чердак открытым, я огляделся в полутьме, разгоняемой лишь пробивающимися из слуховых окон лучами света, и, не удержавшись, громко чихнул, ругнувшись следом для острастки. Пыли тут было весьма и весьма. А ещё имелись кучи какого-то хлама, паутина, засранные голубями стропила над головой… В общем, то ещё местечко. Но видали и похуже.

Высматривая дыры в кровле, я шагнул вперёд и неожиданно споткнулся, чуть не перепахав носом дощатый настил пола, а из-под ноги с сердитым шипением стрелою вылетел какой-то меховой комок и пулей унёсся к выходу с чердака.

Похоже, это была какая-то местная домашняя живность, навроде кота, и погрозив ему вслед кулаком со словами «У-у, животное!» – впрочем, беззлобно, – я продолжил осмотр.

Крыша порадовала – дыр я в ней так и не нашёл, а значит, затопления в дождь можно было не бояться. Оставалось только, фигурально выражаясь, засучить рукава и начать неравный бой с пылью за чистое пространство. Фигурально потому, что одними рукавами здесь было явно не обойтись, и со вздохом сняв свежевыданную мантию, оставшись в итоге всё в тех же родных трусах с майкой, которые было не жалко запачкать, я принялся за дело.

В первую очередь я распахнул все слуховые окна в количестве, равном пяти штукам, добившись приемлемого освещения и притока свежего воздуха, а затем, найдя притулившиеся в углу веник с совком, занялся планомерной чисткой. Правда, через пять минут мне пришлось срочно вылазить на крышу, благо скат был совсем не крутой, и пережидать, пока уляжется пылевая буря, поднятая мной. Хорошо ещё, что дул лёгкий ветерок, а открытые на противоположных сторонах чердака окна создавали тягу, успешно выдувая всё на тыльную сторону здания.

Вид, открывшийся на территорию академии, мне понравился: парки с широкими аллеями, сады с какими-то плодами, зелёная трава – и всё яркое, играющее красками. То тут, то там башни с островерхими шпилями, ротонды, даже целая большая арена с трибунами типа Колизея чуть подальше имелась.

Солнце, лёгкий прохладный ветерок… Вытянув ноги, я откинулся назад и, блаженно сощурившись, разлёгся на шершавой крыше, подложив под голову руки. Пожалуй, за сегодня это были первые хоть сколь-нибудь положительные впечатления.

Незаметно я задремал. Не знаю на сколько, но сон таки успел увидеть. Правда, в нём я, играя в танки, почему-то злобно похихикивал, потирая ладони, и прямо сквозь экран монитора насылал на противников различные проклятья – то взрыва боекомплекта, то косоглазия наводчика, а то и постоянно ломающегося движка. Чат пестрел от непечатных выражений… Да что чат, я, казалось, слышал их разъярённые вопли!

Впрочем, когда я словно рывком вернулся в реальность, оказалось, что злобные голоса мне вовсе не показались. Надо мной висела красная от бешенства Марна.

– Ты… ты…

Мне показалось, что я вижу, как от неё лёгким маревом распространяется жар. Растрёпанные волосы змеями Медузы Горгоны плавали в воздухе, и глядя на подозрительно скрюченные пальцы, я малость струхнул.

– Как посмел ты разлечься тут, на самом виду, да ещё и в таком виде!

– Да на каком виду-то?! – воскликнул я, медленно отползая, отталкиваясь пятками и локтями от кровли, от взбешённой девушки. – Это же крыша, оттуда не видно же ничего, – показал я вниз.

– Ага! – та и не думала успокаиваться. – Зато вон оттуда видно прекрасно!

Проследив за её пальцем, я увидел в отдалении группу магов рыл в двадцать, что, зависнув на десяток метров выше, живо что-то обсуждали. В мою сторону вроде бы не пялились, но пышущая гневом старший преподаватель академии ясно свидетельствовала, что незамеченным я не остался.

– И когда?! – она с хрустом сжала кулаки. – Когда в академии комиссия попечительского совета, которая проверяет, как мы подготовились к новому потоку студентов! Ведь в этом году в рамках нового мирного договора Империи

к нам прибывают для поступления студенты от других разумных рас!

Успев подобраться почти к самому окну на чердак и пользуясь тем, что девушка слегка отвлеклась, я незамедлительно рыбкой нырнул в проём – жизнь моя мне дорога, и быть спаленным заклинанием одной нервной дамы мне не улыбалось совершенно.

Вот только манёвр вышел удачным лишь частично. В окно-то я нырнул, с этим проблем не возникло, но затем неизвестная сила с лёгким чпоком выдернула меня обратно, прямо под ноги Марне. Благо она уже выдохлась и взглядом выражала всего лишь ясно видимое неодобрение.

– Я ещё не закончила.

– Да слушаю я, слушаю, – буркнул я, с облегчением понимая, что убивать меня всё-таки не будут.

– В общем, я тебя прикрыла, – пробурчала девушка, успокаиваясь, – сказала, что ты у завхоза работаешь, крыши проверяешь. Благо в комиссии дураков нет к нему за разъяснениями обращаться. Но только попробуй мне ещё раз что-нибудь подобное учудить, – погрозила она мне маленьким, но крепким кулачком.

– Да всё уже, ухожу, сейчас только пыль до конца выдует…

Я поднялся и, стараясь не делать резких движений, поправил сбившуюся после всех передряг майку и чудом не слетевшие труселя.

– Стоп, – отлетевшая было от меня Марна медленно подлетела обратно, – какую ещё пыль?

– Какую-какую, обыкновенную. Я там уборку затеял. Совок, веник, все дела.

Посмотрев в мои честные глаза и, видимо, не найдя там ни капли притворства, она растерянно протянула:

– Совок… веник… пыль… Ерунда какая-то.

– Ерунда или не ерунда, – наставительно произнёс я, – а то, что у вас там лет десять никто не убирался – это факт.

– Так, – грозно нахмурившись, Марна решительно рубанула воздух перед собой. Я проследил за оставленным ладонью затухающим красно-оранжевым следом и подумал: «Однако, горячая штучка». – Иди на чердак, а я разберусь, где домовые и почему они ничего не подготовили. И Магнусом тебя заклинаю, не трогай там пока ничего!

Преподша сорвалась в крутое пике, улетая разбираться с неведомыми мне домовыми, а я, последовав совету, залез обратно и, обведя философским взглядом чуть менее пыльную, но всё ещё требующую генеральной и обязательно влажной уборки комнату, выбрал место почище, после чего, усевшись по-турецки, принялся ждать.

Чтобы не было так скучно, занялся мысленной каталогизацией имеющихся в наличии предметов мебели из числа тех, что можно было распознать под грудами хлама. Не знаю, использовался ли чердак как жилое помещение когда-либо раньше или в него просто сносили всяческое перестающее быть нужным «б/у», но практически всё необходимое для организации нормального быта тут имелось.

Во-первых, кровать. Широченное, прозываемое в народе «траходромом» ложе, скособоченное на одну сторону, подломив или потеряв пару ног, сиротливо стояло в углу, но я прикинул на глаз толщину матраса и решил, что просто отломлю оставшиеся и тупо буду спать на полу.

Во-вторых, стол. Судя по горе наваленных на него свёртков, размеров он был немаленьких и крепости необычайной, раз за столько времени не развалился, и это вселяло надежду на приличное рабочее место, где и талмуд энных размеров уместить можно, и конспекты разложить.

Стулья тоже присутствовали, и в немалых количествах, но все поломанные. Впрочем, излишней рукожопостью я не страдал – ну, по крайней мере, комом бывал только первый блин, – что вселяло определённую надежду на успешную сборку хотя бы парочки целых.

В-третьих, шкаф. Таковой присутствовал, и даже с обеими дверцами, что не давало так сразу понять, что же с ним конкретно приключилось и за какие такие прегрешения его упекли сюда.

Но тут мои планы по обустройству были бесцеремонно прерваны резко влетевшей через окно Марной, и я переключился на неё.

Старший преподаватель, подняв своим появлением лёгкое облачко пыли, устало опустилась на пол рядом со мной и, выдернув одним движением руки из кучи хлама парочку стульев, парой пассов слепила из них какого-то кадавра мебельной индустрии – пятиногого и шириной в полторы спинки, – после чего уселась и немигающим взглядом уставилась на меня.

Неуютно поёжившись под пристальным взором, я угрюмо поинтересовался:

– Ну и что такого я опять натворил? – больно уж выражение лица у девушки было характерным.

– Ты не знаешь… – констатировала она и, прикрыв глаза, избавляя меня тем самым от побежавших было по коже мурашек, глухо вздохнула.

– Вот зачем, зачем домовика, который тебя встречал здесь, чтобы поприветствовать и узнать пожелания насчёт будущей обстановки, ты сначала пнул, а после ещё и животным обругал? Они хоть и добрые, но обидчивые жуть. Ты знаешь, сколько они бились за признание их разумным видом?

Я вспомнил давешнюю «кошку» и почувствовал, как на меня накатывает чувство стыда. И вот как теперь объяснить, что это всё было не специально и ни про каких домовых я сроду знать не знал?

– А сколько усилий мне стоило убедить их не подавать жалобу в комитет по защите магических меньшинств, знаешь? Да за одно то, как ты его назвал, тебе бы такой штраф впаяли – стипендии за все курсы на оплату не хватило бы. Да что это! Если бы я их не перехватила у самого кабинета завхоза, то, боюсь, дальнейшее обучение стало бы для тебя персональным адом. Мастер Иквус в них души не чает.

– Я не специально, – наконец проблеял я.

– Да какая уже разница, – Марна поднялась с жалобно скрипнувшего уродца. – В общем, обошлось всё сравнительно без последствий, вот только на чердаке они с этих пор появляться отказались наотрез, так что убираться в дальнейшем тебе придётся самому и только самому.

– Всё настолько серьёзно?

– А ты как думал? – совершенно без какой-либо иронии произнесла она в ответ. – Когда их признали, домовые целый парад провели, прямо по центральным улицам городов шли. Десятки тысяч домовых с радужными флагами. Они этот парад каждую годовщину теперь проводят.

– Какими-какими флагами? – преисполнился я самых чёрных подозрений.

– Радужными, – слегка удивившись моему прищуренному взгляду, ответила Марна.

– А чего это… вдруг?

Меня прошибла мысль, что если я перешёл дорогу ещё и ЭТИМ, то тогда точно лучше отсюда валить – они же хуже баб, будут гадить по мелочи, покуда со свету не сживут.

– Это из их далёкого прошлого, – отмахнулась девушка. – Вроде как до того, как маги давным-давно, – я чуть было не добавил «в далёкой, далёкой галактике», – притащили их в этот мир в качестве личных слуг, у них было своё государство, которым правили семь королей, и у каждого из королей был свой цвет. Вот символом этого их государства радужный флаг и является, – тут она скептически хмыкнула и добавила: – Мне, правда, думается, что всё это сказки. Это же надо, целое королевство под землёй, да ещё и с семью правителями. Те бы передрались меж собой, пока не остался бы кто-то один. К тому же где бы они там еду добывали?

– Ну не скажи, – задумчиво произнёс я, припоминая что-то этакое, – если бы короли правили не одновременно, а, допустим, по очереди…

– Да ну… – весьма живо показала она мимикой лица, что думает о моём предположении.

Я замолчал, не став развивать свою мысль, а девушка, вновь оббежав взглядом монбланы мусора и хлама вокруг, покачала ещё раз головой и, чуточку даже с жалостью поглядев на меня, произнесла:

– Ты тут это… держись, в общем. Да. Совок… веник…

Тяжело вздохнув, она дошла до люка с чердака и просто шагнула в него, проваливаясь на верхний этаж и оставляя меня одного.

Поднявшись с пола, я посмотрел ей вслед, пробормотал под нос:

– Ну случайно же вышло, – а затем, яростно махнув рукой, плюнул смачно на пол, растерев ботинком, тоже, кстати, выданным в нагрузку к мантии, и грубо выругался, добавив в конце: – Домовые, комитеты, штрафы… Нафиг всё, сам уберусь.

Уперев руки в бока, с лёгким прищуром вгляделся я в угол, в котором мне почудилось слабое шевеление, и демонстративно громко произнёс:

– Не жили хорошо, нечего и начинать.

* * *

Под конец уборки майку на мне можно было выжимать, но практически освободившееся от хлама помещение заставляло меня взирать на дело рук своих с плохо скрываемой гордостью.

Справился! Назло всем этим домовикам. От лишнего хлама я избавлялся оригинальным способом – без особых душевных терзаний просто скидывал в люк, после чего все эти тюки с гулким бумканьем, пролетев три с половиной метра до пола верхнего этажа, поднимали облака пыли, замирая бесформенной грудой.

А что? Там-то уже не чердак, хотят иль не хотят – всё одно уберут.

Упорно не показывающиеся мне на глаза коротышки, впрочем, попытались втихую вернуть эти мешки обратно на чердак, но заметив, как несколько штук сами собой материализовались в дальнем углу, я, остановившись, громко сообщил в пустоту, что если ещё такое замечу, то следующий хлам полетит уже прямиком из слухового окна во двор.

В общем и целом консенсус был найден, и теперь я любовался на почти отмытый, в лёгких сероватых разводах пол и оставшийся стоять мебельный гарнитур, с которым я определился заранее.

Самой ценной находкой было, конечно же, зеркало. В старинной оправе, огромное – в мой рост, – оно, занавешенное какой-то дерюгой, скромно доживало свой век у стены. Но ничего. Дерюгу я пустил на половую тряпку, а зеркало решил приспособить для своих нужд, по прямому, так сказать, назначению. Чтоб стояло и показывало мне, какой я красавец… Мда… Не совсем красавец, конечно, но вполне себе в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил.

Проблема была лишь в одном. То ли когда-то было, но оторвали, то ли не было изначально, но поставить зеркало было не на что. Впрочем, житейская смекалка, не раз выручавшая меня там, не подвела и здесь, и взяв найденные по случаю гвозди с металлической фиговиной, приспособленной под молоток, я присобачил витую раму прямо к дверце шкафа, что стоял в углу. Благо размер у дверцы был подходящий. Совсем не изысканно торчащие с той стороны дверцы концы гвоздей я загнул для большей надёжности и, прикрыв дверь, полюбовался на собственное довольное выражение.

И пофиг, что чуть криво висит, главное – висит же, и безо всяких домовиков.

Гвозди вообще выручили меня неимоверно. Завёрнутые в промасленную тряпицу, они лежали под столом и, оказавшись примерным аналогом нашей «сотки», были тут же пущены мною в дело.

После зеркала я прибил отходившую крышку стола, сколотил парочку стульев и штук десять гвоздей – для надёжности – вбил в разных местах в деревянную раму кровати, чтоб не рассыпалась ненароком подо мной во время сна.

Устало вытерев лоб от результата трудов праведных, я сел на жалобно скрипнувший стул и, откинувшись на спинку, мысленно подвёл черту: «Всё! Жить можно».

И вправду. Ведь помимо мебели ещё в одном углу, за расползающейся в руках занавеской обнаружилась ржавая раковина с краном и позеленевшая от времени сидячая ванна. Не джакузи, но по моим запросам так вообще шикарная вещь, тем более я уже прикинул, где поставлю перегородку с дверью, чтобы была у меня полноценная ванная комната.

Тут вдруг раздалось скромное покашливание, и я, оторвавшись от планов на будущее, поискал его источник. Мелькнула мысль: «Неужели домовики мириться пришли?»

Но нет, это были не домовики. После второго, уже более нетерпеливого «кхе-кхеканья» я наконец увидел, что в прибитом мною к дверце шкафа зеркале появился незнакомый субъект.

Невысокий старец с длинной бородой, одетый в мантию и шляпу, был, во-первых, на удивление спокоен, а во-вторых, не простым отражением – я специально проверил, но нет, действительно проявился в зеркале, словно на экране телевизора, глядя прямо на меня.

– Магия? – чуть восхищённо произнёс я, осмотрев всё вокруг и не найдя видимых средств передачи изображения привычным мне способом.

– Магия, – степенно ответил старец, огладив бороду.

– М-м… – я пожевал губами, разглядывая гостя. – А вы, собственно, кто будете?

– Я? – старец вздохнул. – Я был основателем этой академии, Магнусом Сидорийским.

– А это? – я обвёл пальцем зеркало, не зная, как правильно сформулировать вопрос.

– Это – последствия неудачного эксперимента, – ответил маг, вздохнув ещё раз и несколько тяжелее. – Сюда десятки лет никто не заглядывал. Я уж начал забывать, как выглядят люди.

– А вы только в этом зеркале можете появляться? – спросил я снова.

– Только в нём, такова моя планида.

– А что же вам другие маги не помогли выбраться? Да и почему вы вообще в углу стояли столько лет? – не понял я. Как так – архимаг, да ещё и основатель Академии, и оказался в столь незавидном положении?

– О, это долгая история. Но я расскажу, – старец взглянул на меня по-юношески пронзительными голубыми глазами. – Присядь.

Послушавшись совета мудрого человека, я отошёл к столу, вновь усаживаясь на заходивший ходуном стул и готовясь внимать несомненно самой загадочной и трагичной истории из тех, что мне доводилось слышать. Замер, стараясь даже дышать потише.

– Так вот, – Магнус Сидорийский устремил затуманившийся взор вдаль, – случилось это в семь тысяч восемьсот тридцать втором году…

Но тут вдруг раздался ужасающий скрип выворачиваемых дверных петель, и чрезмерно нагруженная дверца с навешанным на неё зеркалом начала заваливаться вперёд.

Я словно в замедленной съёмке увидел расширившиеся глаза старого мага и бледнеющее с каждым сантиметром движения зеркала к полу лицо.

Дикое «А-а-а!» оборвалось с резким хлопком о пол, а стекло, словно перекалённое, буквально взорвалось миллиардом мельчайших осколков, и всё, что успел я, это, спасаясь от брызнувшего во все стороны стеклянного потока, с криком «Ё… п… б… них… себе!» запрыгнуть с ногами на стол.

– Всё. Конец истории, – резюмировал я после пяти минут ожидания того, что магический артефакт, содержащий в себе слепок древнего мага, сейчас

соберётся из осколков аки жидкий терминатор и вновь станет целым.

Вздохнув, поплёлся за веником и совком. Ещё полчаса уборки, и ведро осколков ссыпано в мешок попрочней, а выломанную дверцу с рамой зеркала я, поднатужившись, поднял и поставил наклонно к стене. Бог с ней, потом соберу.

На улице уже темнело, и решив, что пока обойдусь без ужина – дал же сам себе зарок похудеть, – я захлопнул люк вниз и решительно завалился на двух с половиной метровый и лишённый остатков ножек траходром. Тем более что весь этот суматошный день и канитель с уборкой изрядно меня утомили.

Когда я уже засыпал, мне показалось, что кровать рядом как-то встопорщилась, но мне было плевать, а потому, закинув ногу и приобняв образовавшийся бугорок, я мигом провалился в сон без сновидений и даже, кажется, захрапел…

Глава 3

Утром я осмотрел кровать, но ничего, из-за чего она могла вдруг встопорщиться ночью, так и не нашёл. Философски пожав плечами – показалось, видимо, – наскоро умылся и оделся. Лёгкое покалывание в затылке, как мне объяснили вчера, было этакой магической напоминалкой, подсказывающей, что до начала первого занятия остаётся меньше часа.

Здание, в котором меня поселили, не было только лишь общежитием. На первом этаже располагались различные помещения хозяйственно-бытового назначения и несколько классов для занятий, в частности, для общей магии и чего-то там ещё – лекцию Марны по дороге к своему будущему обиталищу я, честно говоря, слушал вполуха.

Спустившись в общий коридор, я скромно вдоль стеночки проскочил по этажам и, вырвавшись на простор парковых аллей, с облегчением свернул на менее оживлённую боковую тропинку.

Подростки, как же их много! С моей лёгкой социопатией, выработавшейся из-за стойкой антипатии к определённым представителям рода человеческого моего

мира, от их диких выкриков и беготни я каждый раз морщился. Суета и бедлам, творящиеся в первый учебный день, просто поражали.

Какая-то сотня метров, и, протолкавшись, сделав морду тяпкой, через толпу галдящей молодёжи у входа, я проник в основной учебный корпус академии.

Храм Знаний, святая святых магических таинств и горнило, выпускающее в свет всесильных адептов, чьи глаза светятся от переполняющей их мощи, а голова пухнет от выученной информации, особо от оконченного во времена оны мною университета не отличался – те же покрытые мрамором полы, ковровые дорожки, лепнина и плиты известняка с вкраплениями ракушек по стенам. Только светильники были, похоже, магическими – этакие клубки света в изящных держаках на стене.

Первым делом я ушёл в тень, пристроившись за одной из полуколонн, и достал план помещений, ища нужную мне аудиторию по проклятьям. Спрашивать у первокуров дорогу будет глупо, а студентов постарше я что-то не видел, наверное, у них занятия были или в другом месте, или в другое время.

Вдруг разноголосый хор, к которому мне уже почти удалось привыкнуть, начал стихать. Не придав поначалу этому значения, я, однако, удивился, когда шум стих совсем, и, оторвавшись от плана, поднял голову, сразу же увидев причину такого странного поведения – в корпус степенно и, я бы даже сказал, важно входили… не люди. Или правильно говорить слитно – «нелюди»? В общем, то были представители рас, однозначно людьми не являющихся.

– Эльфы!.. – выдохнул с придыханием кто-то, и я уже с интересом окинул взором первую делегацию числом особей в десять. Пробежался глазами по пяти юношам и пяти девушкам, с лёгким одобрением отмечая изящество и грациозность движений. Все как на подбор светловолосые, высокие, стройные и с этакой печатью… как бы так сказать… некоей высшей мудрости, что ли, на лице. Вследствие чего у меня с ходу появилось подозрение, что они те ещё мудаки.

– Дроу!.. – на сей раз выдох был скорее удивлённо-испуганным.

«О, тёмные подъехали», – подумал я, разглядывая негроэльфов, что оказались чутка пониже своих бледнолицых собратьев, но в стройности и изяществе им не

уступали. Ах да, эти из себя умудрённых старцев не корчили, напротив, живо и надменно зыркали по сторонам и демонстративно хватались за кривые кинжалы на поясе. Причём все, включая и пятерых прекрасных дам.

«Горячая штучка», – проводил я задумчивым взглядом одну такую, с пепельным оттенком кожи и шикарными платиновыми волосами, собранными в косу длиной до пояса. Невозмутимо кивнул ей, неожиданно обернувшейся в мою сторону. Ну, а что я, тёмных эльфов не видал? «Балдурс Гейт», «Невервинтер» – обе части… Чего греха таить, сам разок во втором «Невере» за дроу-клирика играл.

Тут меня отвлёк очередной шепоток:

– Вампиры!

«Оба, и немёртвые пожаловали?!»

Да ещё и как отдельная раса. Что-то я где-то про такое вроде читал.

Что ж, в целом смахивают на эльфов телосложением, только кожа с лёгкой синевой да волосы чернющие, словно ночь. Дамы, кстати, у них тоже были ничего. Причём в отличие от агрессивных дроу, эти поглядывали на окружающих скорее с интересом. Пересёкшись с вампирессой взглядом, я прямо почувствовал идущую от неё волну сексуальности. Не скажу, что у меня от такого шишка задымилась, но вот на подростков вокруг действовало убойно. Послышались возбуждённые перешёптывания.

Эти, похоже, были последними, потому что гвалт поднялся до прежнего уровня, и я, выяснив наконец, куда мне идти, спокойно протиснулся вслед за «долгожданными» учениками «дружественных» государств. Моя аудитория находилась в левом ближнем крыле.

То, что я на верном пути, подтвердила табличка перед массивными дверями на входе в крыло – «Тёмный факультет». Оные двери закрылись прямо перед моим носом за последним из дроу, и я, решив чуть притормозить, чтобы не приближаться излишне к горячим подземным жителям, от нечего делать занялся разглядыванием резных барельефов вокруг входа.

Тематика, честно скажу, особой фантазией не поражала: поднятые магией мёртвые люди, корчащиеся от проклятий люди, крылатые демоны, пожирающие людей, фонтанирующие кровью опять же люди. Скучно даже как-то. У нас игроделы давно уже научились картинки рисовать пострашнее и поинтереснее.

Тут опять зазудело в затылке, и я поспешил зайти внутрь – до занятия оставалось пять минут, а опаздывать на первый же урок мне было не комильфо.

* * *

Первые подозрения начали закрадываться в мой разум буквально с порога большой, с поднимающимися к верху рядами столов аудитории.

Ну сами посудите – ни одного мужского лица. Сплошь нелюдимые, некрасивые семнадцатилетние девочки в чёрных одеждах.

А ещё – тишина. Никто ни с кем не переговаривается, никто не носится меж рядов с гиканьем и идиотским смехом, не ссорится и не выясняет отношения в углу на задних рядах…

С лёгкой паникой я бросил взгляд на преподавательский стол – вдруг занятие уже началось? Но нет, там было пусто. Нервно сглотнув, я тихонько прокрался повыше под бросаемыми на меня исподлобья взглядами и, стараясь не шуметь, устроился почти на самом последнем ряду – от греха подальше.

Оставшееся до начала время я просидел как на иголках, теряясь в догадках относительно происходящего, и появление преподавателя воспринял так, словно сам мессия сошёл с небес. Беззвучно выдохнув, я утёр выступивший на лбу пот и, аккуратно выложив перед собой тетрадь для конспектов, приготовился внимать азам будущей профессии.

Вести первое занятие к нам пришла дама неопределённого возраста с высокой прической чёрных, прямо вампирских волос и в длинном чёрном же платье до пола. Подняв глаза на аудиторию, она резким и звонким как сталь голосом произнесла:

– Я заведующая кафедрой Проклятий факультета Чёрной магии, Элеонора Баум су Карна ин Филрион, магистр, страж ложи Чёрных магов Империи Карна, кавалер ордена «Слава Империи» третьей степени и обладательница трёх медалей «За боевые заслуги», а также боевой маг императорской гвардии… – она обвела суровым взглядом студенток перед ней. – И горе будет той, кто посмеет это забыть!

Тут взгляд её поднялся выше, упираясь в меня. Я замер, не зная, чего ожидать от столь именитой магички, а она вдруг, моргнув, буквально через силу выдавила из себя подобие широкой улыбки, что скорее пугала, чем располагала к себе, и, тщетно пытаясь придать словам хоть чуточку радушия, добавила, снова обращаясь к аудитории:

– Но это, конечно же, шутка, девочки. Вы же знаете, что я вас люблю, вы ведь все такие молоденькие, жаждущие знаний, хорошие…

Тишина после этих слов, казалось, стала почти осязаемой. А затем одна из студенток с тихим всхлипом потеряла сознание, заваливаясь со скамейки в проход между рядами.

Правда, от ловко подсунутого кем-то флакончика она тут же пришла в себя, пискнув что-то извинительное, и Элеонора Баум су Ка… как-то там ещё, потому что я не запомнил до конца, отеческим таким взглядом напоследок мазнув по несчастной, отчего та чуть было не потерялась снова, воскликнула, широко раскинув руки:

– Приветствую вас на Ведьминой силе проклятий!

«Стоп – подумал я, – какая еще „ведьмина”? Просто же проклятья?»

А магистр меж тем продолжила:

– Многие недолюбливают ведьм, считая их силу чем-то подлым, чем-то неблагородным, приводя в пример стихийную магию как пример магии «честной», то есть так называемого прямого действия. Полная чушь и ерунда. Просто все эти напыщенные мужланы, мнящие себя настоящими воинами, боятся. Боятся силы, что скрыта в наших маленьких женских ручках. Ибо никакие их стихийные щиты не спасут от неё, а их столь любимый огонь сможет

уничтожить хитрую вязь заклинания, разве что спалив её дотла вместе с самим объектом проклятья…

«Почему только в женских-то? – начиная подозревать самое ужасное, снова подумал я. – А как же мои?»

Тут я вспомнил отчётливое переглядывание дедули-архимага с Марной в кабинете первого. Однако это «ж-ж-ж…» неспроста.

– Только лишь ведьма может снять проклятье, наложенное на существо, предмет или место, адепту любой другой магии это не под силу. Но… – обвела всех очень серьёзным и пристальным взглядом магистр, – хочу сразу же предупредить. Да, мы сильны. Да, проклятье не снять так просто. Но есть один быстрый и кардинальный метод решения, известный всем – убийство наложившего проклятье. Не снимаются после смерти ведьмы только самоподдерживающиеся проклятья высшего круга, но из вас, – тут она позволила себе чуть усмехнуться, – до таких высот доберутся единицы, и сделают они это далеко не в сих стенах.

«Ого, – покрутил я шеей, – всё серьёзно».

– Да, вас будут бояться в народе, и даже другие маги постараются вас не злить, но всегда помните, что и вы тоже смертны…

Выдержав минутную паузу, дабы все прочувствовали серьёзность сказанного, видимо, во избежание лёгкого головокружения от ощущения свалившейся на них власти, Элеонора Баум с… снова заговорила, только теперь уже совершенно обычным тоном:

– Ну, а теперь откройте тетради, сейчас мы кратко законспектируем, что такое проклятья и чем же они отличаются от любого другого вида магии…

Отложив на потом все эти странности с упорным акцентом на «женственность» проклятий как таковых, я вслед за зашуршавшей листами аудиторией раскрыл тетрадь и принялся конспектировать.

Лекция была длинной и, пожалуй, весьма познавательной. Бешено скрипя магическим аналогом шариковой ручки, я открывал для себя всё новые и новые нюансы магического направления, которому решил себя посвятить.

Во-первых, проклятье может наложить любой, даже не маг. Это так называемые спонтанные проклятья, природу которых в метафизическом плане маги так и не смогли пока до конца выяснить. Но факт оставался фактом: брошенное в сердцах кому-нибудь в спину пожелание несчастья вполне могло при определённых условиях сработать. И сработав, это пожелание оформлялось в пусть слабенькое, но проклятье, со всеми характерными для проклятья признаками и структурой.

Сказанные же перед смертью слова имели куда более серьёзный эффект. Даже исходящие от неумытого крестьянина, они вполне могли стать самоподдерживающимся проклятьем с очень серьёзными последствиями для проклятого субъекта, если умирающий вкладывал в них все оставшиеся у него эмоции и силы.

Правда, в случае с мужчинами шанс этого стремился к нулю, а вот женщины, примерно одна из десяти, могли и припечатать чем-нибудь этаким. Именно поэтому даже в стычках двух не поделивших территории лордов, разоряя поселения друг друга, они старались убивать только мужиков, женское население же лишь грабя и традиционно насилуя. Опять же и половая солидарность – проклятья, навешанные умершими женщинами, далеко не всякая ведьма согласится снять, а иная ещё и от себя добавит чего поубойнее.

Вот снятием таких спонтанных проклятий ведьмы в основном и занимались. Почти у каждого дворянского рода были свои ведьмы – либо девушки из рода, прошедшие обучение, либо, что чаще, работающие по найму, но с принесением клятвы верности роду.

В этом месте Элеонора добавила, что данный вариант – наилучший для многих из здесь сидящих, с хорошими перспективами на дальнейшее безбедное существование.

«И опять ведьмы, – подумал я. – А ведьмаков не завезли, что ли?»

Дальше нам раздали учебное пособие – деревянные фигурки с наложенным на них слабеньким проклятием, безопасным для человека, и заставили пытаться его почувствовать. Первоначально – на ощупь, а впоследствии мы должны были научиться чувствовать проклятые вещи дистанционно.

Правда, энтузиазм мой слегка поутих, когда за двадцать минут упорного мусоленья деревяшки ничего особенного я так и не почувствовал. Впрочем, по виду остальных девчонок тоже нельзя было сказать, что у них, в отличие от меня, всё прям получилось. Так что в конце занятия собирался я без особого расстройства. И дождавшись, когда основная масса плотным потоком вольётся в двери, я, закинув холщовую сумку на плечо, бодро запрыгал вниз по ступеням.

– Постойте!

Чуть не кувыркнувшись с последней ступеньки, я резко затормозил и, повернувшись, уставился на подходящую ко мне мадам Элеонору.

– Эм… э… – проблеял я, – магистр?

– Да бросьте, просто Элеонора! – преподша добродушно хохотнула, покосилась мне за спину, провожая последних студенток, и когда за теми захлопнулась дверь, добавила, хитро мне подмигнув: – Первый курс такой забавный!

Не зная, что на это ответить, я лишь согласно покивал головой, теряясь в догадках от столь неформального общения с преподавателем. С другой стороны, ей же, наверное, известно, что я несколько… эм… старше основной массы студентов, а значит, со мной можно вести себя не так, как с этими малолетками, а как с взрослым…

Я невольно обратил внимание на вырез её платья, в котором виднелся хороший такой третий размер. А что если… Тут я постарался загнать непрошеную мысль подальше. Заманчиво, конечно, думать, что на тебя положила глаз такая всесторонне приятная женщина, но с чего бы, как говорится, вдруг? Она же видит меня в первый раз. Хотя…

Я понял, что, заметив направление моего взгляда, она каким-то образом сделала вырез ещё больше, и теперь ложбинка между её грудей стала видна вся. И лифчика там не наблюдалось…

Я сглотнул и отвёл взгляд. Ну не железный же. А Элеонора продолжила, добавив в голос воркующих ноток:

– Который раз провожу первое занятие и понимаю, что все они мне как дочери. А вы, кстати, могли бы ученическую робу и не надевать.

Тут бы мне насторожиться, но проклятые мысли о её платье и о том, что под ним, совершенно отшибли всю соображалку.

Элеонора коснулась пальчиками эмблемы кафедры на моём рукаве и лукаво рассмеялась.

– И вот это уж точно было излишне. Мужчина, да на курсе проклятий… Я понимаю, что вы не хотели привлекать внимание девочек к работе комиссии, но, Магнус, даже самая глупая первокурсница сразу бы поняла, что тут что-то не то. Ну не бывает тут мужчин. Даже если у кого и найдётся слабенький отголосок дара, то он явно не будет настолько сумасшедшим, чтобы пойти сюда, ведь есть куда более подходящие направления магии. Тем более что мужчинам просто не достичь тех высот в магии проклятий, что доступны даже самой посредственной ведьме. Ох… – она снова рассмеялась. Но тут же, словно невзначай, поинтересовалась: – Вы, если не секрет, какой род представляете?

Вот теперь до меня дошло, что стоящая напротив красотка с классными буферами меня явно с кем-то перепутала.

– Эм… – выдавил я, – наверное, никакой не представляю. Видите ли, я на самом деле ученик, и я действительно выбрал направление проклятий. Просто директор предложил мне любое направление из тех, что у меня есть… Но он ничего не говорил о том, что тут только девушки… и… я не знал, что… – я говорил всё тише и тише, медленно вжимая голову в плечи, глядя на то, как буквально на глазах меняется выражение лица преподши. Края декольте плавно съехались под самое горло, превратив верх платья в глухой воротник-стойку, а голос приобрёл шипяще-стальной оттенок.

– Ученик?!

Я мелко закивал, медленно, шажок за шажком отступая назад, а эта су Карна ин… как её там, блин… вдруг начала поднимать руки с хищно скрюченными пальцами.

– А я-то, дура, обрадовалась – молодой, в попечительском совете, да ещё и без брачной печати. Думала, с комиссионной проверкой ко мне, ещё этот старый маразматик что-то такое утром на собрании говорил. Распиналась тут перед этими клушами, расшаркивалась, а он – ученик!

Струхнул я, конечно, тут и говорить нечего. Бросало то в жар, то в холод, тем более что руки, тянущиеся ко мне, уж точно ничего хорошего не сулили.

Глаза её налились серой хмарью, алые губы приоткрылись, а я… я вдруг явственно почувствовал, как в середине её ладоней словно начало зарождаться… что-то. Тёмное, клубящееся… Сложно описать… Как будто видишь, но не глазами… и не знаю даже, чем именно…

Только это, наверное, и спасло, потому что когда непонятные клубки сорвались в мою сторону, я кувырком ушёл с траектории, укатываясь за первый ряд парт.

Нет, ни взрыва, ни чего-то ещё особо шумного не произошло, и я даже поначалу подумал, что зря дёргался. Но тут входная дверь, что была как раз за моей спиной, вдруг осела, превращаясь в пыль, что густым облаком с лёгким «фух» взвилась в воздух.

Воспользовавшись моментом, пока магистерша рассматривала дело рук своих, я, дробно стуча коленями по полу, нырнул в импровизированную пылевую завесу и под её прикрытием проскользнул наружу.

На глазах ошарашенных студенток, что после дезинтеграции двери сгрудились у стеночки коридора, я поднялся с четверенек, отряхнулся и, сделав морду тяпкой, максимально быстрым шагом удалился прочь. Бежать не позволяли остатки гордости, а оставаться там… увольте, дамам в настолько расстроенных чувствах надо дать время остыть, разбить пару тарелок… ну или, если говорить о нашем случае, изничтожить в пыль пару строительных конструкций… и уже потом можно как-то пытаться начинать с ними диалог.

Погони за мной не наблюдалось, должно быть, мадам (или всё-таки мадмуазель?) Элеонора всё же не решилась выносить наружу суть конфликта. А потому спустя пару поворотов я снизил темп и, успокоенный, вразвалочку направился к выходу – следующее занятие у меня было по трудовой магии, а значит, нужно возвращаться в родной жилой корпус.

«Птички поют, солнышко светит… Красота», – думал я, пробираясь по кустам мимо студенческих толп, что неожиданно наводнили все окрестные аллеи. Причём в их число явно подмешались и более старшие курсы, чьи занятия, видимо, начинались позже, чем у нас.

Продравшись через очередные особо плотные заросли, я спугнул троицу подростков – двух парней и девушку, которые, как создалось у меня впечатление, пытались чего-то наколдовать, причём на одного из парней. Но, увидев меня, девушка так и замерла с поднятой рукой… а затем они дружно ломанулись куда-то в сторону.

«Может, они просто не любят чёрных?» – подумал я, оглядев надетый на меня балахон.

Иных приключений на пути к своему корпусу я, к счастью, не встретил. Добравшись же, нырнул в двери и быстренько переместился поближе к учебному классу трудовика. Местная студентота, возбуждённая поступлением и началом нового учебного года, внимания на меня пока что практически не обращала, но я с внутренним содроганием ожидал того момента, когда великовозрастного дядьку в ученической мантии всё-таки заметят. В том, что я мгновенно стану объектом невероятно убогих и тупых шуточек, у меня сомнений практически не было.

Дверь в класс была открыта, и, перекрестившись и сделав глубокий вдох, собираясь с духом, я, пригнув слегка голову, словно прыгая в омут, шагнул внутрь. И дело тут было совсем не в как-то не так закончившемся предыдущем занятии, вовсе нет. Просто трудовую магию вели раздельно у мальчиков и девочек, а это означало, что тут я окажусь совершенно один среди малолетних углумков мужского пола. И если раньше я предполагал, что пацаны, обучающиеся со мной на одной специальности, хотя бы из классовой солидарности меня прикроют, то теперь оставалось лишь констатировать, что со всем происходящим придётся как-то разбираться мне самому.

А уж как они воспримут не просто студента-переростка, а ещё и с «женского» направления – об этом не хотелось даже думать.

Аудитория для занятий по «труду» была большой. Широкие проходы как вдоль рядов, так и между ними, столы, за которыми студенты рассаживались поодиночке – всё это с ходу намекало на требования ТБ и определённую опасность самостоятельных занятий. Недаром же местный директор отмечал повышенную «сложность» участка.

Магия-шмагия, что с неё взять.

Впрочем, я тут же вспомнил уроки химии в своей родной школе, где благодаря впечатляющей рукожопости одного моего одноклассника в ходе опытов натурально рванули стеклянные колбы, поставленные нагреваться над горелкой, да так, что с впереди сидящего сорвало пиджак.

Увы, моим наивным надеждам скромно пристроиться где-нибудь в уголке не суждено было сбыться. Впрочем, начало оказалось неплохим. По крайней мере, обернувшиеся ко мне лица парней были вполне доброжелательны.

– Эм… всем привет, – с вымученной улыбкой выговорил я.

– Здравствуйте! – хором ответил мне народ, и я чуть приободрился – похоже, парни с других специальностей были всё же получше начинающих ведьм с моей.

– Извините, – вдруг обратился ко мне один из них – невысокий, черноволосый и с нашивкой курса демонологии на плече.

– Да? – повернулся я к нему, стараясь придать лицу умное выражение.

– А вы Сергей Юрьевич?

– Эм…

Я на миг замешкался, перебирая в голове варианты Сергеев Юрьевичей, и вдруг вспомнил, что так звали Глушакова, то бишь трудовика. А значит, меня опять перепутали, на этот раз – с преподом.

Настроение сразу упало. А что я, собственно, хотел? Ну не воспринимают эти ребятки людей вдвое старше себя иначе как преподавателей. И винить их в этом не стоило. Мне, правда, от этого не легче.

– Ну-у-у… – протянул я, мысленно метаясь в поисках ответа. Наконец, хватаясь за тоненькую соломинку призрачного шанса выйти из этой ситуации с минимальными потерями, я с деланым равнодушием произнёс: – Нет. Я Павел Алексеевич, а Сергей Юрьевич подойдёт чуть позже.

– А-а… – прошёлся по классу лёгкий вздох.

Вопросы у них пропали, и я быстро ретировался, как и хотел, на «камчатку», отделившись от остальных парой рядов. Бесшумно выдохнул и украдкой промакнул рукавом покрытый испариной лоб. Вроде и не обманул никого, а уж что они сами надумали и как восприняли мои слова – это их дело, моя совесть чиста. О том, что будет, когда и здесь вскроется, что я – ученик, старался не думать. Будет день – будет пища.

В этот момент распахнулась дверь в другом конце зала, и в помещение вошёл Глушаков в неизменном халате и беретке на голове. Обречённо окинув взглядом класс, он страдальчески вздохнул и побрёл к широкому преподавательскому столу.

Усевшись там, мужик зашуршал бумагами, а затем, прокашлявшись, без особой радости представился:

– Я Сергей Юрьевич Глушаков, старший преподаватель общей магии, маг первой категории. На моих занятиях вы будете учиться применять свою магию для различных бытовых нужд. Но для начала я проведу перекличку и отмечу присутствующих.

И вот тут я понял, что попал. Особенно когда трудовик начал скучным голосом зачитывать по специальностям.

– Демонология. Маркус Тирникрау?

– Я.

– Зэриф Крюмви…

– Здесь.

– Сурви Крум…

– Граф Сурви Крум, – вальяжно вякнул кто-то, сбивая размеренный темп. Но Юрьич, ни на йоту не поведя бровью, лишь повторил:

– Сурви Крум здесь?

– Граф… – уже менее вальяжно прорезался тот же голос.

– Нет его? Значит, ставлю прогул…

– Здесь, здесь Сурви Крум!

– О, – поднял глаза Глушаков и буркнул всё тем же безэмоциональным тоном: – Нашёлся. Что же ты раньше молчал?

– Я… э… – красноречие парня подвело. А Глушаков уже зачитывал фамилию следующего.

С несколькими баронами и одним князем он поступил точно так же, причём князь оказался самым покладистым, а вот до парочки баронов доходило тяжело – одного Юрьич натурально выкинул из аудитории. Не поленился, вышел из-за стола и, подняв за шкварник, выволок прочь, невзирая на все оскорбленные вопли.

Я аж восхитился земляком. Поначалу он показался мне совершенно никаким, а по факту, оказывается, совершенно не страдал пиететом к высокородным особам. Мне бы так.

Барончик, кстати, успел ещё и колдануть чего-то из магии крови, так как перед этим резанул себе руку острым ножичком. Облако мелких кровавых капель рвануло было к трудовику, но бессильно стекло по засиявшему вокруг

Глушакова кокону. Сам же трудовик только смачно сплюнул и, вызвав уже виденный мной «водоворот» местного аналога сотовой связи, сообщил директору о применении магии учеником против преподавателя.

Вот только эти весьма забавные с моей точки зрения происшествия никак не могли перебить одно назревающее неприятное событие – Юрьич был всё ближе к моей не вписывающейся в стандартный контингент учащихся персоне.

И вот этот момент настал. Демонология, некромантия и магия крови прошли, и пошуршав ещё, Глушаков произнёс:

– Проклятия…

Шепотки в аудитории мгновенно стихли.

– Ширяев Павел Алексеевич…

Мне ничего не оставалось делать, кроме как приподняться, уставившись в пол, и, сглотнув, громко через весь зал объявить:

– Здесь!

На секунду глаза мои всё же оторвались от пола… На меня смотрели все. И недоверие, аршиными буквами написанное на лицах, у ближайших как раз начало медленно сменяться глумливо-презрительной гримасой.

«Ну нельзя из букв „о”, „п”, „ж” и „а” собрать слово „радость”…» – вспомнилась мне почему-то увиденная когда-то давно в КВН сценка.

– Класс, внимание, – спокойный голос трудовика заставил парней отвлечься от разглядывания меня. – Сегодня мы разберём основы применения магии различных направлений к созданию бытовых чар…

Глава 4

Наутро после первого дня учёбы я проснулся совершеннейшим образом разбитый. Не физически, конечно – морально. Глумление однокурсников по поводу великовозрастного ученика, да ещё и с «женского» направления… Я невольно тяжело вздохнул.

Особенно едко изгалялся тот самый невысокий поц, что спрашивал, не Глушаков ли я. Ситрий Кас, если я правильно запомнил его имя. Тоже, между прочим, какой-то виконт.

Ну хоть испытывать это унижение вновь сегодня не придётся. Первый день занятий выпал на последний рабочий день местной недели, и меня ждал полноценный выходной, который я намеревался провести в своём жилище, в тиши и покое. Неделя тут, кстати, была шестидневной, а в месяце было пять недель. Что, впрочем, практически равняло его с земным месяцем.

Ещё раз тяжело вздохнув, я с сожалением погладил гладкую поверхность матраса. Снилось мне в эту ночь что-то с эротическим уклоном. Правда, память почти не сохранила конкретных воспоминаний, но этакое эмоциональное послевкусие и ощущение чего-то приятного осталось.

Сняв висящие на натянутой подле слухового окна верёвке труселя с майкой, я с наслаждением их натянул – всё-таки единственные родные вещи с Земли. Щёлкнул переключателем магического аналога газовой плиты и, наполнив чайник, поставил его на оранжевое пламя, что зажглось в чашеобразном углублении.

Зевнув, присел за стол, облокотился на столешницу и задумчиво посмотрел на ладонь правой руки. Вспомнились вчерашние эмоции и ощущения. Имелась некоторая опаска, что там был разовый эффект, но почти сразу возникший клубочек тьмы подтвердил – да, я теперь могу не только чувствовать подобное у других, но и вызывать это самому.

Поискав в имеющейся литературе, я быстро нашёл ответ о его природе. Это был сгусток «сырой», то есть не оформленной в конкретное заклятие, магической силы колдуна. И сила эта была однозначно тёмной. Кстати, благодаря тому, что у меня были задатки к полному комплекту тёмных направлений, конвертировать такой сгусток я мог в любой вид известных мне заклятий. Занятия по бытовой магии как раз и должны были научить получать вот такую силу для

использования в бытовом колдовстве.

Вот только у меня опять всё оказалось наоборот. Сначала учили заклятиям, а потом уже очищению собственной магии от, как это называлось, магического аспекта.

Дело было, похоже, в том, что заклятий я ещё и не знал никаких – ну не учили им пока. А отомстить обидчикам и насмешникам хотелось до жути. Правда, когда этакое «дело» возникло прямо посередь толпы малолетних дебилов, что окружили меня после занятия, я даже немного испугался. Хорошо, что никто ничего не заметил, а я сгусток собственной магии поскорее скинул… куда-то в сторону.

Вновь посмотрев на клубок в своей ладони и не зная, куда его деть, тупо «слил» в жестяное ведро под столом, что я использовал под мусор. Предметы, кстати, впитывали магию хорошо, особенно металлы.

Тут люк в полу распахнулся, и в моих покоях стало неожиданно тесно, когда всё свободное пространство разом заполнил десяток человек с архимагом во главе.

«Неужели моя завкаф нажаловалась? Так вроде её косяк же был, а не мой», – замер я, не зная, чего ждать от неожиданных вторженцев.

Удивлённо оглядев наведённый мною порядок, ректор поправил очки и с лёгким недоумением всмотрелся в меня.

«Забыл, что ли?» – мелькнула ещё одна мысль. Но тут к нему подскочила вездесущая Марна и что-то зашептала на ухо. Удивление с лица милейшего Зоры Кхана тут же пропало, и он по-доброму мне улыбнулся, а остальным сказал:

– Не обращайте внимания.

Все тут же дружно перевели взгляды с моих труселей в горошек на него, и я, отмерев, быстренько окинул взглядом чердак, вспоминая, куда вчера вечером зашвырнул мантию. Как назло, её нигде не виднелось, и я остался сидеть как сидел, только целомудренно закинул ногу на ногу.

– Так вот, – продолжил начатый, видимо, ещё до моих скромных хором разговор ректор, – здесь мы и храним самый ценный артефакт академии – зеркало с личностью самого основателя, Магнуса Сидорийского. Предчувствуя скорую смерть – увы, не вечны даже архимаги его уровня, – он принял тяжёлое, но мудрое решение заключить себя, свои память и дух в любимом зеркале…

После этих слов у меня резко засосало под ложечкой, и я начал потихоньку оглядываться в поисках пути для отступления. Что стало с уважаемым основателем – мне было известно как никому другому в этой комнате.

Заметившая мои судорожные телодвижения Марна нахмурилась – лучше всех остальных зная меня, она, похоже, уже начала догадываться, что дело нечисто. Правда, ей всё ещё не хватало данных для верного умозаключения, но развязка была не за горами.

К сожалению, все пути отхода перекрывали неизвестные мне маги, а нырять в слуховое окно с последующим полётом вниз с крыши было чистым самоубийством. Философски подумав, что убивать меня, наверное, будут в соответствии с какой-нибудь конвенцией, типа Женевской, и мучиться не придётся, я только вздохнул и, устало глянув старшему преподавателю прямо в глаза, махнул рукой.

А ректор меж тем продолжал:

– Даже заключённый навечно в предмете, он не перестал думать о своих студентах. Им была создана своего рода игра, где он придумывал различные таинственные причины его заточения, сподвигая учащихся на поиск разгадки и способов его расколдовать и обещая из-за это щедрые награды. Расколдовать его они, конечно, не могли, но с наградой он ничуть не обманывал, ведь благодаря проявляемым усердию и рвению студенты получали самую ценную награду из тех, что может им дать академия – это знания.

В толпе захлопали, а ректор, чуть поклонившись, добавил:

– Да, мессир Магнус был редкостной мудрости и самоотверженности человеком. Даже собственное посмертие он поставил на службу единственной цели – учить молодые поколения магов. Что ж, давайте же дадим и ему сказать своё слово. Мессир Магнус?.. Мессир, где же вы? – позвал архимаг, ещё раз оглядевшись. Но

лишь тишина была ему ответом.

Пауза затягивалась, вызвав лёгкие шепотки в толпе, когда взгляд Кхана наконец зацепился за витую раму на прислонённой к шкафу дверце. Нетвёрдым шагом приблизившись к ней, он ощупал пальцами пустой проём и произнёс неверящим голосом:

– Как же так?..

– Ты?! – от шипения Марны, казалось, задымился сам воздух.

Острые взгляды упёрлись в меня, и под сощурившимися до узеньких щёлочек глазами ректора я завопил, изрядно струхнув:

– Оно само! Я же не знал, что дверца не выдержит, а оно как упадёт да как разобьётся!

– Оно не могло разбиться, – тут же резко (и откуда только стальные нотки в голосе прорезались?) бросил архимаг. – На нём такие чары были, что ему даже Армагеддон не повредил бы. И при чём здесь дверца?

– Так я его к ней прибил…

– Прибил? – Кхан снова вгляделся в раму, коснулся пальцами шляпок торчащих гвоздей. – Прибил… прибил… – руки его задрожали. – Марна, проводи наших гостей. Мне тут надо кое-какую проблему решить, – наконец напряжённым голосом попросил ректор.

Напоследок бросив на меня уничижительный взгляд, старший преподаватель что-то прощебетала остальным и увела их вниз. Как только люк за ними захлопнулся, Кхан тут же создал воронку.

– Сергей Юрьевич, немедленно ко мне!

Хлопнуло, и ощутимо толкнув воздух в стороны, возле нас материализовался Глушаков.

– Вызывали?

Архимаг поманил его пальцем и преувеличенно ласково спросил:

– Сергей Юрьевич, я что вам говорил сделать с вашими антимагическими гвоздями?

– Спрятать подальше, – спокойно ответил тот, засунув руки в карманы халата.

– А вы?

– Спрятал пода… – тут Глушаков огляделся, и на лице его мелькнуло узнавание.

– Сюда? – на лице архимага прорезались морщины, а лицо устало осунулось.

– Да… – растерянно произнёс тот.

– Они? – Кхан ткнул в раму, а на трудовика, когда он вгляделся в неё, ни с того ни с сего напало заикание:

– Он-ни…

– О-хо-хох… – мигом постарев до своих (а сколько ему, собственно?) немалых лет, Зора Кхан, по-стариковски шаркая, подошёл ко мне. Я невольно сжался, предчувствуя недоброе, но он лишь материализовал взмахом руки небольшое резное кресло, в которое и опал, слепо глядя в никуда.

Немного погодя из вздыбившегося и пошедшего волнами пола вылезло ещё одно подобное сиденье, и к нашим молчаливым посиделкам присоединился Глушаков.

Дела мои были, судя по всему, аховыми. Но хотя бы убивать меня прямо тут никто вроде не собирается. Тем более что вину можно смело делить пополам – гвозди-то с интересным эффектом вовсе не я изобрёл.

Вдруг Кхан встрепенулся и, негромко прихлопнув ладонью по столу, посмотрел на меня. Я вновь напрягся, но он только спросил:

– Остальные гвозди где?

Выдвинув нижнее отделение в тумбочке стола, я молча положил перед ним тряпичный свёрток, который под отчётливо жалостливый вздох трудовика тут же исчез где-то в недрах мантии ректора академии, после чего магистр опять ушёл своими мыслями куда-то далеко.

Тихо звякнуло, и в руках Глушакова, словно по волшебству (или не словно?), появилась пара гранёных стаканов, в которые из запотевшей бутылки с по-английски написанным названием «STOLICHNAYA» без промедления налилось грамм по двести прозрачной как слеза жидкости.

Всё так же находясь в прострации, Кхан рассеянно нашарил стакан с водкой и как есть, без закуски, залпом, словно воду, влил в себя. Тихонько крякнул, вытерев набежавшую слезу, и, молча поднявшись, пошёл к выходу, медленно истончаясь прямо на ходу. Буквально за пару шагов до люка его силуэт пропал окончательно, а вслед за ним точно так же истаяло и кресло.

– Расщепление собственного тела и перенос с точной сборкой в другом месте, – авторитетно заметил Сергей Юрьевич, успевший вслед за директором замахнуть свою порцию и теперь смачно хрустящие опять непонятно откуда выуженным огурцом. – Мастер, ничего не скажешь, это тебе не телепортация какая. Будешь?

Проследив за его взглядом, я увидел оставленный ректором стакан и согласно кивнул. Снова забулькало, повторно наполняя стаканы из той же бутылки, в которой, казалось, жидкости совершенно не убавлялось… но я уже ничему не удивлялся.

Глушаков оказался товарищем запасливым, и на свет появились сначала банка солёных огурцов, затем шмат сала с краюхой серого хлеба, и в довершение пучок зелёного лука, свежего, словно только что с грядки.

Тщательное нарезание всего этого богатства пусть и не до конца, но расслабило стянутые в напряжении нервы, как сделала бы это любая однообразная, не требующая навыков деятельность. А обжёгшая горло сорокоградусная привела в относительную норму болтающееся где-то на уровне плинтуса настроение.

Зажевав лучком, я соорудил и отправил в рот бутерброд из хлеба с уложенным поверх салом. Довольно замычал, показывая большой палец трудовику. Прожевав, сообщил:

– М-м, вкуснятина!

– Ага, – довольно кивнул тот. – Тёщино.

Я невольно улыбнулся.

– И как тёща?

Тут уже пришел черёд Юрьича, как я уже начал его про себя называть, показывать большой палец:

– Во! Мировая мадам. Замашки только старорежимные, но при мне сдерживается. Опять же, я после женитьбы год с ней воевал, всё нос воротила от зятя. Но ничего, теперь вон даже сама иной раз в гости зовёт.

– А я вот не сподобился, – вдруг с грустью сообщил я, вспоминая своё житьё там, на Земле. Тридцатичетырёхлетний холостяк, мда… Ну хоть не девственник. Были знакомые дамы, были и подруги. И даже что-то с намёком на серьёзные отношения. Но… не судьба, видимо.

Трудовик покачал головой и с искренним сочувствием спросил:

– Эк ты. А что, хорошую не нашёл?

– Наверное, – пожал я плечами. – А может, во мне чего не так.

– Ты это брось, – наставительно заявил Глушаков, разливая ещё по одной, – мужику самокопанием заниматься – последнее дело. В конце концов, ну не нашёл там, так найдёшь здесь. Я вон тоже тут окольцевался. Правда, мне поменьше было лет, когда меня с Земли утащило, двадцать пять всего.

– А сейчас сколько? – поинтересовался я.

– Тридцать семь, – ответил трудовик и поднял стакан. – Ну, давай за прекрасных девушек, одна из которых, а может, и не одна, – подмигнул он, – ждёт не дождётся такого красавца. Осталось только найти!

Мы дружно чокнулись – за такое грех было не выпить. Вдумчиво закусив, я неожиданно подумал о старшем преподавателе Марне. И хоть отношения у нас складывались пока как-то не очень, но больно хороша была чертовка, особенно в гневе.

– Ты, кстати, Паш, откуда сам-то? Земляка-то я в тебе сразу почуял, да и говор у тебя как бы не сибирский…

– Новокузнецк…

– О, знаю такой! – Глушаков широко улыбнулся, хлопнув меня по плечу. – А я с Караганды! Эх, только ведь тогда Карагандинский политех окончил, по распределению поехал, и на тебе, попал, что называется.

– А я СибГИУ, бывший СМИ, – вспомнил я свою «вышку». – Ты в каком году окончил-то? – вдруг спросил я. Смущало меня что-то в услышанном, царапало слух. Какой-то элемент, выбивающийся из привычной для меня картины мира.

А Юрьич вдруг отвёл глаза в сторону. С усталой улыбкой на лице, ничего не сказав, он не торопясь закинул ещё бутер, и только пережевав, наконец ответил:

– В семьдесят втором, Паша. В семьдесят втором.

– Ах ты ж!.. – не удержал я удивлённый возглас. – А ты знаешь, что Союз…

– Знаю, – как-то сразу помрачнев и заиграв желваками, отрезал трудовик. – Всё знаю. Как в академии появился пять лет назад…

Не сговариваясь, мы выпили снова, не чокаясь, за Великую страну, что канула в небытие, оставив после себя такое наследство, что разворовать и разрушить его до конца не смогли и за двадцать лет так называемой «демократии».

– …А я ведь коммунист. Коммунист, понимаешь?! – пьяно стучал себя кулаком в грудь Глушаков час спустя, когда в нас отчётливо булькало по литру «Столичной». – Вот здесь! Не то, что эти ваши… – он смачно харкнул на пол и растёр подошвой ботинка. – Я ведь в том мире, в который тогда попал, я же там революцию устроил, настоящую! Там кучка магов не просто нашего брата-пролетария угнетала, нет, они там целые игрища с массовыми убийствами проводили! Женщин пытали, детей насиловали… – Сергей всхлипнул, видимо, от нахлынувших воспоминаний. – До скотского же состояния народ довели! А у меня отец… в Великую Отечественную… с сорок третьего до сорок пятого… до Берлина дошёл! Дед в Гражданскую с колчаковцами рубился, а потом в ЧОН пять лет бандюков по лесам гонял. Я сам срочку в воздушно-десантных… Я же как увидел, так у меня просто руки затряслись и как пелена красная на глаза упала. Я тогда маговых прихвостней голыми руками задавил! Они в деревеньке баб хватали да прямо на улице раскладывали, поборы собирали…

Он вдруг замолчал, а прилившая было к лицу кровь сменилась пугающей бледностью.

– Сдали меня тогда, – сухим и отчуждённым голосом, совершенно лишённым прежней горячности, продолжил после недолгой паузы Глушаков. – Сами деревенские. Гнева испугались, кары магической. Им не помогло – всю деревню выжгло одним ударом, землю на метр вглубь испарило. А меня – на опыты. Был там один. Выводил экспериментальным путём суперсолдат, зазомбированных до полного подчинения и с магическим потенциалом. Выживали не все, но мне повезло… – от этого Сергеева «повезло» повеяло таким холодом, что я невольно поёжился и ещё раз поискал мантию взглядом. – Вот только он ошибся, – уже совсем трезвым голосом добавил Глушаков. – Мне понадобилось три года, чтобы снова осознать себя, скинуть поводок. И ещё год, чтобы помочь очнуться остальным. Этот маг и сам, наверное, только за миг до своей смерти понял, что же всё-таки создал. Мы были идеальными убийцами их самих…

– Вы… всех? – хрипло каркнул я, пришибленный рассказом Сергея.

– Магов? – уточнил он и тут же кивнул: – Да, всех. А потом мы объявили, что тирания свергнута и теперь все смогут зажить свободно, – Сергей вздохнул. – Молодой был, глупый. На то, чтоб свергнуть тиранию, хватит нескольких лет. На то, чтоб поменять сознание людей, не хватит и столетия. Но что уж теперь об этом…

И мы выпили снова.

Глава 5

И снова утро. Разве что настроение чуть получше, чем вчера, не так давило безысходностью. И голова была на удивление ясная. Посмотрев же на перебуробленные, словно после бурной ночи, простыни, я почесал затылок, но ничего такого вспомнить, как ни старался, не смог.

Серёгу с нашего застолья утащило телепортационное окно. Не сразу, правда – он ещё секунд тридцать провисел в воздухе, отчаянно цепляясь за стол и горланя: «Врагу не сдаётся наш гордый „Варяг”…» А затем, через пару минут, на стол из воздуха выпала упаковка без надписей с наспех приложенным листочком, на котором от руки было выведено: «Антипохмелин, глотать не жуя».

Дальше мне хватило сил только на то, чтоб добраться до ласково принявшей меня в свои объятия кровати и проглотить нечто, сильно напоминающее кусок пластилина, перемешанного с угольной крошкой. И всё, больше ничего не помню.

Таинственный добродел не подвёл – похмелья как ни бывало. И вообще, чувствовался какой-то даже душевный подъём. А может, это так задушевная беседа с Глушаковым помогла?

Тут у меня зазудело, а значит, надо вновь собираться на занятия. Свой единственный выходной я натуральным образом пробухал… Стоп.

Я застыл, мысленно возвращаясь к вчерашнему дню. Что-то опять не вязалось. Помню, как проснулся, как завалился ректор с толпой неизвестных в поисках основателя Академии. Как позвал трудовика и выпроводил с Марной остальных. Потом мы выпили. Да, посидели хорошо, душевно… Но не весь день же?!

По моим внутренним ощущениям, посидели мы часика четыре, может, пять, но с учётом того, что начали утром, закончилось всё где-то в районе обеда. Это что же, я в обед вырубился и до утра следующего дня продрых?

А может, это антипохмелин меня так? Я вновь почесал голову, а затем хмыкнул и пожал плечами. Фиг его знает, как эти магические препараты действуют. Мало ли.

Выкинув посторонние мысли, принялся быстро одеваться. Кстати, когда, сняв с бельевой верёвки родные труселя, стал их привычно натягивать, не смог вспомнить, как их снимал, да и вообще как раздевался. С другой стороны, после такого количества выпитого немудрено и забыть.

Подхватив сумку с тетрадью и учебниками, я поспешил вниз. Из предметов сегодня были: история магии, маготехника и теория заклинаний. Всё сплошь лекции без практикума, так что я хотел побыстрей проскочить в аудиторию и занять место повыше. Слишком сильно мелькать у всего потока на глазах не хотелось. Всё же предметы были общими, а значит, вполне ожидалось присутствие помимо моей специальности и прочих «тёмных», включая тех, что подтрунивали надо мной на бытовой магии.

Однако всё поменяла короткая записка на дверях лектория, гласящая, что история магии сегодня отменяется и всех ждёт самостоятельная подготовка. Неожиданно. Что же это с начала года такого внепланового произошло? Впрочем, гадать смысла не было, и я поискал глазами инфу о том, куда мне идти теперь.

За проклятиями была зарезервирована аудитория двести семь на втором этаже, и я, поправив ремень сумки на плече, бодро зашагал туда. Не скажу, что меня сильно расстроила перспектива отсидеть одно занятие с нелюдимыми девицами вместо того, чтобы отбиваться от тупых малолетних остряков. Вовсе нет. После занятий по труду общество молчаливых начинающих ведьмочек мне было даже как-то ближе.

Заглянув внутрь, я, несмотря на приличное ещё количество времени до начала занятия, с удивлением обнаружил, что аудитория почти полностью заполнена. Девчонки, развернув книжки, сидели и, по всей видимости, усердно занимались. Чем вызван такой трудоголизм – мне было непонятно, и неопределённо хмыкнув, я тихонько проскользнул внутрь, собираясь аккуратно пробраться в дальний уголок. Но увы, стоило двери за мной захлопнуться, и все ученицы, как одна, разом подняли головы и уставились на меня.

– Эм… привет, – мысленно кляня себя за вечную неуверенность, медленно произнёс я.

Вот только вместо ожидаемого игнора, ну или, на худой конец, ответного формального приветствия все ведьмочки разом встали, выходя из-за парт, и окружили меня плотным полукольцом. «Полу» – потому что я рефлекторно прижался к стене, а так бы, наверное, полностью окружили.

И куда только девалась их нелюдимость? Я ловил на себе полные любопытства взгляды и не мог отделаться от ощущения, что меня разглядывают словно какое-то чудо-юдо диковинное.

Вдруг одна из них, откинув прядь волос цвета воронова крыла со лба, спросила:

– А ты правда ученик академии?

– Правда, – кивнул я, всеми силами стараясь выглядеть уверенно.

– И ты такой взрослый…

В ответ на это я лишь неопределённо дернул плечами – всё же данные слова были скорее констатацией факта, нежели вопросом. Вот хоть убей, никак не могу понять свои ощущения. Эти взгляды, как-то странно блестящие глаза…

– А сколько тебе? – девчуля с лёгким прищуром смотрела прямо мне в глаза, словно бы говоря: «Только попробуй обмануть». И я сознался:

– Тридцать четыре.

– О-о, – прошелестело по рядам.

– А нам старшие не поверили, – вдруг сообщила всё та же особа. Заложив руки за спину, качнулась с носка на пятку и добавила: – Обещали наказать за вранье.

– Это как? – удивился я.

– Тебе лучше не знать, – дипломатично сообщила девушка. – Но мы не соврали, так что надо будет им тебя показать, чтобы поверили.

«Да что я вам, слон в зоопарке, чтобы меня показывать?!» – хотел было возмутиться я, но чернявая вдруг продолжила:

– Покажем, но не отдадим. Так ведь, девочки? – она обернулась к толпе сокурсниц, и я натурально выпал в осадок, когда те хором выразили полное согласие со своей неформальной лидершей.

Вот это было мощно. Даже для видавшего виды меня. Чтобы сразу два десятка некрасивых девочек вдруг дружно заявили на меня свои права… Такого, я думаю, магическая академия ещё не видывала.

Меж тем девица подошла ближе, почти вплотную, и, понизив голос практически до интимного шёпота, с лихорадочным блеском в глазах спросила:

– А у тебя женщины были?

– В смысле… – замешкался я, пытаясь облечь в пристойную форму свою догадку.

– Да, – чуть выдохнула она и облизнула губы, жадно внимая.

– Были, – со вздохом подтвердил я.

– А сколько?

Я пробежался по воспоминаниям, подсчитывая, и после небольшой паузы ответил:

– Ну, если с теми, с кем всего один раз, то восемь…

– А ты опытный… – под единодушный томный вздох прошептала черноволосая. – Да, кстати, меня зовут Эльза. Эльза Вайнштейн, – уже громко произнесла лидерша. – И теперь ты будешь сидеть со мной!

Поднявшийся было возмущённый гвалт она остановила властно поднятой вверх рукой.

– По очереди, девочки, по очереди. Через день, в алфавитном порядке, по именам…

– Твоё последнее! – выкрикнула другая.

– С конца! – топнув ногой, сурово оглядела сокурсниц Эльза. Лёгкое недовольство постепенно стихло. Зато закипело у меня.

– А с какого, собственно, хрена?! – возмутился я. – С чего это я должен с кем-то сидеть, да ещё и по рукам, как переходящее знамя, гулять?! Ни с кем я сидеть не буду, и точка! Ишь…

– Ах ты! – Эльза засверкала глазами и сжала кулачки, прожигая меня гневным взглядом. – Да ты!..

– Да, я! – отрезал я, нахмурившись, и мягко отодвинул в сторону угрюмо насупившуюся девушку. Но та вдруг вцепилась в мою руку, и я невольно остановился, когда она почему-то дрожащим голосом тихо произнесла:

– Ну пожалуйста…

Замерев, я чуть шокированно наблюдал, как на глазах Эльзы стали наворачиваться слезы. Этого от этой наглой и самоуверенной с виду молодой девушки я уж точно не ожидал. И вдруг почувствовал себя таким подлецом и негодяем, глядя на как-то враз посмурневших и погрустневших одногруппниц, что, махнув рукой, со вздохом бросил:

– Ладно, чего уж там. Через день, в алфавитном. Согласен.

Вайнштейн, так и продолжавшая, словно клещ, висеть, намертво вцепившись, на моей руку, счастливо заулыбалась сквозь слёзы. А затем быстро подтащила меня к своей парте и, промокнув платочком глаза, чинно уселась, краем глаза наблюдая за тем, как усаживаюсь я.

Я же только головой покачал, глядя на остальных, что пусть и с лёгкой завистью, открыто читавшейся на их лицах, но всё же вполне довольные занимали свои места.

«Они знают, что их очередь обязательно придёт, и готовы терпеливо этого дожидаться… Девушки… семнадцати лет… которые априори должны быть собственницами и ни о какой кооперации даже и не заикаться… Бред».

Уяснив, что ничегошеньки совершенно во всём этом не понимаю, я повернулся к Эльзе, что опять увлечённо что-то читала в раскрытой книге, поймал её взгляд и, убедившись, что она всё своё внимание переключила на меня, произнёс лишь одно слово:

– Рассказывай.

Она не стала запираться, разве что слегка погрустнела, да ещё тонкие пальцы чуть сильнее сжали тихо скрипнувший учебник.

Правда, как всегда, оказалась не слишком афишируемой и весьма, весьма неприглядной. Ведь все без исключения сидящие тут девушки были глубоко несчастны. По одной простой причине – им очень непросто было найти свою, так скажем, вторую половинку. Из-за их внешности… и из-за их дара. И если на просто дурнушку кто-то ещё мог обратить внимание – особенно в сельской местности, где больше смотрели на крепость тела и навыки ведения хозяйства, – то дурнушку с даром к проклятьям парни обходили десятой дорогой. Тем более что таковые в народе считались особами злопамятными и с вредным характером.

Порочный круг: чем больше люди их сторонились, тем более озлобленными становились девушки, отчего и сторониться их начинали ещё сильней. Вот и выходило, что спутника жизни… да даже просто друга мужского пола им было очень тяжело найти. И поступление в магическую академию этой проблемы не решало, ведь другие маги точно так же боялись проклятий, совершенно не умея их снимать, а парней с даром к проклятьям, что имели бы своего рода иммунитет, просто не существовало. До меня…

– Э-эй! – вдруг поймал я за хвост ускользающую мысль, когда Эльза закончила грустный рассказ. – Уж не думаете ли вы, что я тут на всех вас женюсь?!

Однако девушка только покачала отрицательно головой и сказала негромко:

– Нет, такого мы от тебя, конечно, требовать не можем. Но хотя бы чуть-чуть почувствовать, что такое дружить с парнем… вот что мы хотели.

– Но я же вдвое старше… – отметил я, на что она слегка улыбнулась.

– Здесь этим никого не удивишь.

– А как на это посмотрят преподаватели? – выложил я последний аргумент.

– Они не будут против, – уверенно заявила девушка, после чего слегка нахмурилась. – Ну, разве что наша завкафедры…

«Которая тоже без мужика, – закончил я за неё мысленно. – И теперь понятно, почему».

Правда, у госпожи Элеоноры запросы были несколько выше обычного студента, что явно следовало из нашего сумбурного диалога, окончившегося аннигилированной дверью лектория и моим поспешным бегством. Ну да Магнус Сидорийский с ней. А вот девчонок действительно жалко, тем более… ну что, в конце концов, такого? Ну да, не красавицы. Однако голова есть, руки-ноги тоже на месте. Им же уже по семнадцать. В моём мире особо продвинутые «герлы» («девушками» таких назвать язык не поворачивается) лет с тринадцати уже вовсю половой жизнью живут, а эти, наверное, даже не целовались ни разу… с парнем… В этот момент я, вероятно, покраснел – щёки ощутимо так запылали жаром. Но в следующий миг я резко оборвал сам себя – не о том, блин, думаю.

Что ж, буду сидеть с ними по очереди на занятиях, поговорю там, поулыбаюсь. От меня не убудет, а им всё веселей. Но вот об остальном надо забыть раз и навсегда – не настолько я беспринципный и подлый человек, чтобы пользоваться ситуацией…

Успокоив себя такими мыслями, я уже было отвлёкся, и тут Вайнштейн вдруг очень серьёзно и тихо произнесла:

– Но если ты всё-таки решишь кого-то из нас выбрать в спутницы жизни, остальные девочки поклянутся вам не мстить и принять твой выбор.

«Вот это поворот!» – ошарашенно вспомнил я один мем и даже не нашёлся, что ей ответить.

«Это что, я теперь как Елена Троянская, только наоборот? Там, помнится, тоже претенденты на её руку поклялись не мстить её избраннику. Вот только похитил её Парис – с благословения, однако, Афродиты, – и началась Троянская война. Так что, если меня сейчас какая-нибудь другая ведьма похитит с благословения того же ректора, то девочки тут боевые действия развернут?.. Блин, о чём я думаю?! – теперь уже явственно покраснел я, только уже от стыда за самого себя. – Похитят… Боевые действия… Вот уж точно, дно достигнуто. Так, мужик я или не мужик, в конце-то концов?! Соберись, тряпка! Не захочу – и никто меня тут не похитит! Сам, блин, похитю… кого-нибудь! Если захочу».

Подбодрив себя такими лозунгами, я чуть успокоился и вслед за Эльзой открыл учебник по магоистории.

С самоподготовки на лекцию по маготехнике я шёл исключительно в плотном окружении одногруппниц и дико краснел, стараясь не смотреть на молча провожающих нас круглыми от удивления глазами студентов. Хорошо ещё, что коридоры были просторными, потолки – высокими, а праздношатающихся студиозов не настолько много, чтобы это вызывало проблемы.

Но всё равно с этим надо было что-то делать. А то я чувствовал себя то ли каким-то богатеем, окружённым бодигардами, то ли особо опасным заключённым, которого конвоируют из одной тюрьмы в другую.

– Слушай, – я чуть наклонился к не отпускающей меня Эльзе, – а нельзя, чтобы девочки… ну… не столь явно нас опекали?

Та критически огляделась и скомандовала:

– Так, разошлись все маленько! А то сгрудились тут, как телята у титьки. Имейте совесть, у каждой возможность пройтись с Павлом будет.

Лучше б она молчала. Я прикрыл глаза свободной рукой, тяжело вздохнул и, помассировав лоб, тихо прошептал:

– Должно быть, я сплю.

Когда я отнял руку от головы, чуда не произошло – мы всё так же шли на лекцию по маготехнике. Правда, начинающие ведьмочки команде вняли, чуть растянув свои ряды, и теперь я чувствовал себя авианосцем в сопровождении ордера малых кораблей, выполненного по всем правилам военного искусства – с авангардом, арьергардом и фланговыми охранениями. Менее стыдно не стало.

– Ба, да это же старпёр-мужиковедьм! – раздался вдруг язвительный голосок, и навстречу нам выползли с гнусным выражением на лицах мои позавчерашние обидчики во главе с Ситрием Касом, начинающим демонологом.

«Эх, дать бы по ним кулаком, да так, чтоб только сопли пополам с кровью в стороны разлетелись», – мечтательно подумал я, глядя на ухмыляющиеся рожи. Вот только не был я мастером кунг-фу, да и не дрался в жизни толком никогда, поэтому слишком уж уверенным в своих силах против троицы семнадцатилетних парней, неизвестно чем и с какими учителями в своих благородных родовых гнёздах занимавшихся, я себя не чувствовал, а значит, было проще просто смолчать и сделать вид, что не замечаю их подначек.

– А ну отстаньте от него! – вдруг громко прозвучал высокий девичий голос справа, и я удивлённо взглянул на свою спутницу. Справедливости ради замечу, что и троица обидчиков выглядела не менее ошарашенной.

Несколько секунд они переваривали услышанное, а затем Ситрий, засунув руки в карманы робы, язвительно поинтересовался, глядя на меня:

– Что, уже подружку себе нашёл? – а затем обратился к своим: – Видали, парни? Дедуля-то не теряется, вон какую кралю себе отхватил! А ты что, – повернулся он к Эльзе, – думаешь, он тебя научит чему интересному? Ну, чего же ты покраснела?

Компания разразилась обидным смехом.

– Прокляну, – вдруг дрожащим от ярости голоском произнесла Вайнштейн.

– Ха, – снисходительно посмотрел на неё Ситрий. – А ты хоть умеешь?

– Хочешь проверить? – ответила она вопросом на вопрос.

– Да что ты одна сможешь-то?

– Она не одна, – вдруг хмуро обронила ещё одна девчонка из наших.

– Да! – вразнобой поддержали её остальные, что слегка поколебало уверенность троицы, и те начали хмуро оглядываться, словно только сейчас заметили, что находятся в окружении двух десятков ведьм.

– Вместе так приложим – мало не покажется. Сдохнуть, конечно, не сдохнешь, но ту штуку, которая болтается у тебя между ног и которой ты так гордишься, никакие целители поднять уже не смогут, – ободрённая поддержкой остальных, заявила Вайнштейн.

– Другие ведьмы смогут, – не слишком уверенно возразил ей Кас, но та тут же парировала:

– После того как увидят, что проклятье накладывало два десятка других? – Эльза чуть злорадно хохотнула. – Да у тебя ещё и яйца отвалятся.

Парни отступили на шаг. Как я понял, у ведьм корпоративная солидарность была делом известным, и каким бы наглецом ни был сраный виконт Ситрий, мозгов у него, чтобы вовремя тормознуть, должно было хватить.

– Верно про вас говорят, что мужику пакость – вам в радость! Правильно вас парни десятой дорогой обходят!

Ситрий сплюнул на пол, развернулся и с независимым видом направился в противоположную от нас сторону, увлекая за собой подпевал.

Я мысленно выдохнул. Конфликт исчерпан, можно чуть расслабиться.

Но внезапно всё тем же высоким и громким голосом Эльза прокричала в удаляющиеся спины:

– И больше не смейте к Павлу приставать! Он теперь под нашей защитой!

В этот момент я понял, что если раньше дно было достигнуто, то теперь оно оказалось окончательно и бесповоротно пробито.

Глава 6

До собственного жилища я добрался уже вечером, когда мне наконец удалось избавиться от навязчивого внимания одногруппниц и распрощаться с Эльзой – под тяжёлый вздох последней, – оставив её на некотором расстоянии от их кампуса, чтобы не светиться перед другими ведьмачьими курсами.

Солнце к этому моменту скрылось за высокой стеной, опоясывающей Академию, погружая аллеи в сумрак, и один за другим начали зажигаться магические светильники на высоких изящных ножках.

Итак, я добрался до дверей… ну, то есть до центрального входа в здание. Зайти внутрь, впрочем, так и не удалось, потому что прямо навстречу мне из распахнутых молодецким пинком дверей вывалился трудовик и, раздражённо шваркнув створкой об косяк, грубо выматерился.

– Здорова, Юрьич! – поприветствовал я его. А что? Вместе пили? Пили. За жизнь говорили? Говорили. Земляки? Земляки. Ну так и в баню все эти условности! Тем более, мы не на занятии.

– А, Паша, привет!

Увидев меня, Глушаков немедленно посветлел лицом и с чувством пожал протянутую руку. Всё в том же неизменном халате с потёртостями и беретке, он был словно ещё одно напоминание о нашей с ним далёкой Родине. Трудовик! Я понял, что чем дальше, тем более гордо звучит для меня это звание.

Рядом с ним я сразу почувствовал себя комфортней и спокойней. По тому, с какой силой Сергей сдавил мою ладонь, мне показалось, что и он испытывает сейчас подобные моим чувства. Спросил:

– А ты чего такой злой-то выскакивал? Я думал, дверь вместе с косяком вывалится.

– Да надоело всё! – выплёскивая накопившееся раздражение, эмоционально произнёс Глушаков. – Который год зарекаюсь с этим делом связываться, – я понял, что он это про свою работу преподавателем, – да только оставить не на кого, нет желающих! А просто бросить и уйти – так я не такой, по-другому воспитан.

Я ощутил очередной прилив уважения к этому незаурядному человеку.

– Как тебя вообще сюда занесло?

– Долгая история, – отмахнулся Сергей, не желая, видимо, особо распространяться на свой счёт. Задумчиво оглянувшись на дверь кампуса, а затем искоса глянув на меня, он вдруг предложил: – Мож по пивку? В городе, а? Пару-тройку кружечек. Ну и закуски, конечно. Колбаски свиные копчёные, рёбрышки жареные, рыба… О-о, ты не представляешь, какая тут рыба, портовый город же…

От перечисления всего этого у меня мигом потекли слюнки, но я всё же спросил:

– Так ученикам ведь вроде после заката покидать академию запрещено?

– Со мной можно, – Глушаков говорил так уверенно, что я сразу ему поверил. А он добавил: – К тому ж мы тебя переоденем во что-нибудь цивильное. Даже если на патруль наткнёмся, хрен кто догадается, что ты с академии.

И я согласился. Причём не столько ради пива с закуской – хотя некий гастрономический интерес у меня всё же присутствовал, – сколько ради возможности выйти за пределы окружающих академию стен. Оно, конечно, вроде и не запрещал никто, но в одиночку, в незнакомый город, да ещё и с совершенно неизвестным укладом и образом жизни, мне выходить было боязно.

Кроме того, местных денег у меня не водилось от слова совсем. В столовой тут кормили абсолютно бесплатно, одежду и учебники со всеми остальными принадлежностями для учёбы выдали, а просто подойти к той же Марне и задать вопрос про наличие какой-нибудь стипендии я как-то не удосужился. Сразу не спросил, а сейчас ещё и побаивался – больно много за последние дни со мной всякого наслучалось…

О моих финансовых затруднениях Сергею я сообщил, но тот лишь махнул рукой, сказав, что всё за его счёт, ибо он приглашает. Больше причин отказываться я не видел и согласно кивнул головой, после чего Глушаков тут же потащил меня переодеваться.

Первыми были короткие сапоги.

– Из кожи с жопы дракона? – скаламбурил я, разглядывая странное тиснение и необычный тёмно-красный цвет, на что Глушаков только хмыкнул.

Дальше в дело пошёл тугой сверток, при развороте оказавшийся плотными холщовыми штанами, рубашкой со шнурованным воротом и тонкой выделки кожаной безрукавкой. И напоследок трудовик отрыл несколько головных уборов разной степени убитости. Но надевать мятые, как из задницы, шляпы мне не хотелось, и я, приметив непонятно зачем лежащий здесь квадратный кусок ткани, завязал его на голове банданой.

Оправив кожанку, взглянул на Сергея. Тот, критично осмотрев меня, одобрительно поднял вверх большой палец, хмыкнув разве что по поводу плотно облёгшей череп ткани.

– Моряки тут подобное таскают, – пояснил он причину своей усмешки. – Да не снимай, пристанут – жахнешь чем-нибудь магическим, ну, как выстрел предупредительный, и махом отстанут. Магов тут стараются не трогать.

– Так я не умею жахать…

Нас и вправду ещё не учили каким-либо заклинаниям, всё больше теорию давая.

– Тогда я жахну, – пожал плечами Глушаков, – вместе же пойдём.

Спокойствие товарища по походу в пивную подействовало на меня как нельзя лучше, и я, пройдя к большому зеркалу, что стояло тут же, в кандейке трудовика, начал себя разглядывать.

В пузе меня, конечно, слегка обтянуло – сказывались годы малоподвижного образа жизни. Но в остальном всё было как раз, и одёжка впечатления напяленной с чужого плеча не вызывала.

«А ничего так прикид, – отметил я, поворачиваясь к зеркалу то одним боком, то другим. – Ещё бы шпагу на бок или саблю какую, и буду прям благородный капитан пиратов. Пусть не Орландо Блум, но тоже ничего».

Я повернулся к Серёге, чтоб поделиться пришедшим в голову сравнением, совсем забыв, что тот вряд ли видел «Пиратов Карибского моря», но заготовленная фраза застряла у меня в горле, ибо сменивший одеяния трудовик буквально преобразился.

Куда только подевались халат и беретка с обносками запойного алкоголика? Передо мной стоял настоящий франт. Высоченные, с квадратными носами ботфорты с раструбами до середины бедра почти касались чёрного с серебристым отливом камзола, обтянувшего, как перчатка, мускулистый торс Глушакова. Предплечья были перехвачены ремешками, которые он сейчас неспешно затягивал. По стойке воротника змеилась, словно живая, серебристая вязь, а на боку висела самая настоящая шпага! Точно такая, какую я видел в своих мечтах.

– Круть! – выдохнул я, а Сергей вдруг засмущался.

– Ты не подумай чего, просто здесь сословное общество – по одёжке и встречают, и провожают. Средневековье махровое, что с них взять…

– Да брось, – я ещё раз восхищённо оглядел простой, но в то же время едва ли не кричащий о собственной дороговизне наряд. – Шикарная вещь! – и даже немного позавидовал. Потому что Юрьич во всём этом действительно был словно благородный капитан пиратов, а мои шмотки немедленно съехали вниз по сословной лестнице до уровня какого-нибудь старшего матроса.

– Знаешь, я ведь первый год вообще всего этого терпеть не мог. Когда женился, с тёщей ругался что ни день. А она всё, мол, «невместно благородному»… И кому?! Мне, коммунисту! И что, что мне, как магу, сразу автоматом положено? Да клал я на всё это! Вот только каждому встречному бить морды надоело. По их понятиям простолюдин должен благородному и дорогу уступать, и шею гнуть в поклоне, да и вообще!.. – Юрьич возмущённо фыркнул. – Пара идиотов так ко мне прицепилась, слишком дерзко, по их мнению, смотреть вздумал. Табло им отрихтовал – так они за оружие схватились, грозились, что за оскорбление благородного изрубят меня на мелкие кусочки. Пришлось утихомирить окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kurzancev_aleksandr/uchenik-ponevole

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити